

Платье цвета полуночи

Автор:

Терри Пратчетт

Платье цвета полуночи

Терри Пратчетт

Плоский мирВедьмыТиффани Болен #4

Это должно было случиться: Тиффани выросла. Она уже не ученица, а взрослая ведьма, и удел, за который она отвечает, составляет не много не мало все Меловые холмы. Пусть жители её земли недоверчиво относятся к ведьмам. Пусть молодой человек (которого Тиффани никогда и не считала своим молодым человеком!) женится на другой. Пусть её крошечные друзья, Нак-мак-Фигли, подкидывают девушке кучу проблем... Она справится. И, как полагается настоящей ведьме, всё уладит. По крайней мере, попробует. Но в какой-то момент масса сложностей и неудач, обрушившихся на юную ведьму, станет критической. В какой-то момент Тиффани поймёт, что кто-то пустил по её следу древнее и злобное существо, победить которое невозможно. В какой-то момент она не испугается прыгнуть в огонь.

Терри Пратчетт

Платье цвета полуночи

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2006

First published as «I Shall Wear Midnight» by Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd

Inside artwork © Paul Kidby, 2015 – www.paulkidby.net

© Лихачева С., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Перевод некоторых слов и выражений Нак-мак-Фиглей, с поправкой на требования приличий (Из наработок г-жи Констатанции Тик, ведьмы)

Большой Человек – предводитель клана (как правило, муж кельды).

Бураны – покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны – люди.

Всекарга – очень важная ведьма.

Глазья – глаза.

Гоннагл – бард клана, искусный музыкант, поэт и рассказчик.

Гюйс – очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.

Догробный мир – понятие, связанное с верой Фиглей в то, что они мертвы. Наш мир так прекрасен, утверждают они, что наверняка сюда после смерти попадают те, кто хорошо вёл себя при жизни. Поэтому когда кто-то из Фиглей умирает здесь, он просто возвращается к жизни в Догробном мире, который, в их представлении, является довольно скучным местом.

Заморочный – жуткий, странный, иногда – почему-то – продолговатый.

Изводиться – волноваться, переживать.

Карга – ведьма, независимо от возраста.

Карговство – всё, что делает ведьма.

Кельда – матриарх клана, а в преклонном возрасте – мать большинства его членов. Фигли рождаются очень маленькими, а растут быстро; в течение жизни кельда становится матерью сотен сыновей.

Нахрюкаться – меня заверили, что это означает переутомиться.

Невтерпь – невтерпёж, страстное желание чего-либо: «Чаю охота, аж невтерпь».

Ой-ёи-ёи – традиционное причитание.

Особая овечья притирка – прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля – в любое время года. Не пытайтесь изготовить её самостоятельно.

Пискля – слабак.

Прежнедневно – очень давно.

Разбредовина – чепуха, глупость.

Раскудрить! – восклицание, которое может означать всё что угодно, от «надо же!» до «моё терпение лопнуло – спасайся кто может!».

Расхляй – см. Угрязок.

Спог – кожаный мешочек, носится на Фиглевом килте спереди и скрывает всё то, что Фигль, по-видимому, считает нужным спрятать. Обычно содержит всякое-разное, например то, что Фигль не доел, то, что Фигль случайно нашёл и теперь считает своей законной собственностью, и зачастую – потому что ведь даже Фигль способен простудиться – то, что заменяет Фиглю носовой платок (не обязательнодохлое).

Старукса – женщина преклонного возраста.

Судьбонос – важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинства – секреты, тайны.

Тубзя – туалет.

Угрязок – бесполезный член общества.

Упариловка – нечто вроде сауны. Встречается только в больших курганах горных кланов, где есть источники воды в достаточном для регулярных водных процедур количестве. Фигли Меловых холмов считают, что когда грязи на теле скапливается достаточно, она отваливается сама.

Чувырла – очень нехороший человек/зверь/другое.

Чудила – редко нехороший человек/зверь/другое.

Чучундра – нехороший человек/зверь/другое.

Глава 1. Мил громазд мал-малец

И почему это, гадала Тиффани Болен, люди так любят шуметь? Почему шум так важен?

Где-то неподалёку раздавался звук – точно корова телится. Оказалось – оборванец в помятом цилиндре накручивает ручку старой шарманки. Тиффани как можно деликатнее, бочком-бочком отошла в сторону, но шум был ужасно липучим: казалось, дай ему волю, так он за тобой до дома увяжется.

Но то был лишь один из звуков в гигантском шумовом котле: тут шумели все, и каждый пытался перешуметь тех, кто шумел рядом. Люди спорили до хрипоты у импровизированных прилавков, ртом вылавливали из воды яблоки или лягушек[1 - Потому что проделывали это с завязанными глазами. (Здесь и далее, если не сказано иного, примечания автора.)], подбадривали кулачных бойцов и усыпанную блёстками красотку на высоко натянутой проволоке, орали во всё горло, предлагая сахарную вату, и, если уж начистоту, пили не просыхая.

Воздух над зелёными взгорьями загустел от шума. Казалось, население двух-трёх городков всё до последнего жителя поднялось на холмы. И теперь здесь, где обычно слышался разве что крик канюка, неумолчно вопили все, кому не лень. Это называлось «повеселиться на славу». Не шумели только воры и карманники: они занимались своим делом похвально тихо, а к Тиффани даже не приближались; кто ж полезет в карман к ведьме? Того гляди пальцев недосчитаешься! По крайней мере, именно этого воры и страшились, а разумная ведьма подобные страхи всячески поощряет.

Если ты ведьма, ты все ведьмы, вместе взятые, думала Тиффани Болен, пробираясь сквозь толпу и таща за собою метлу на верёвочке. Метла скользила по воздуху в нескольких футах[2 - 1 фут равен примерно 0,3 метра. (Примеч. ред.)] над землёй. Тиффани это немного раздражало. Оно вроде бы и удобно, но, тем не менее, поскольку на ярмарке повсюду бегали малыши с воздушными шариками – и тоже на верёвочках, – Тиффани поневоле казалось, что смотрится она по-дурацки, а если одна ведьма выглядит глупо, значит, глупо выглядят все ведьмы, вместе взятые.

С другой стороны, если привязать метлу к изгороди, непременно найдётся какой-нибудь пострелёнок, который отвяжет верёвочку и попытается прокатиться на метле на спор, а тогда он, скорее всего, взовьётся прямиком в верхние слои атмосферы, где замерзает даже воздух. И хотя теоретически она,

Тиффани, сможет отозвать метлу обратно, мамы, они такие чувствительные, и вряд ли им понравится отогревать своих отпрысков погожим августовским днём. Нехорошо получится. Пойдут разговоры. Ведьмам всегда кости перебивают.

Тиффани смирилась с неизбежным и вновь потащила метлу за собой. Если повезёт, люди решат, что она так приобщается ко всеобщему веселью.

Даже столь обманчиво беззаботное событие, как ярмарка, не обходится без собственного сложного этикета. Тиффани была ведьмой; и как знать, что случится, если она позабудет чьё-нибудь имя или, что ещё хуже, произнесёт его неправильно? Что будет, если упустить из виду мелкие раздоры и распри, и кто там не разговаривает с соседями, и всё такое, и того больше, и ещё, и ещё? Тиффани не знала таких слов, как «минное поле», но само понятие показалось бы ей вроде как знакомым.

Она была ведьмой. Для всех деревень в Меловых холмах она была ведьмой. Уже не только для родной деревни, но и для всех других, аж до самого Хэма-на-Ржи – а отсюда до него добрый день пути. Область, которую ведьма считала своей и для обитателей которой делала что нужно, называлась «уделом», и среди прочих уделов этот считался очень даже неплохим. Редкой ведьме достаётся в собственную собственность целый геологический пласт, пусть даже по большей части покрытый травой, которая по большей части покрыта овцами. А сегодня овец на склонах предоставили самим себе – пусть делают что хотят, и, предоставленные сами себе, они, с вероятностью, делали всё то же самое, что и под присмотром. Овцы, ради которых обычно недоедали и недосыпали, которых выпасали и гуртовали, за которыми бдительно приглядывали, сегодня утратили для фермеров всякий интерес, ведь прямо здесь, на этом самом месте, происходило диво дивное, равного которому в целом мире не сыщется.

Ну, вообще-то расчисточная ярмарка была одним из величайших чудес света, только если ты дальше, чем за четыре мили[3 - 1 миля равна 1609 м. (Примеч. ред.)], от дома не уезжал. Если живёшь в Меловых холмах, то на ярмарке непременно повстречаешь знакомых – всех до единого[4 - Будучи ведьмой, она их всех знала как облупленных.]. А многим здесь случалось повстречать и свою будущую вторую половину. Во всяком случае, все девушки щеголяли в выходных платьях, а парни поглядывали по сторонам с надеждой и приглаживали волосы с помощью дешёвой помады или, что чаще, плевка. Те, которые выбирали плевков, обычно оказывались в выигрыше, ведь дешёвая помада была такая дешёвая, что под жарким солнцем таяла и растекалась, так что молодым людям удавалось

заинтересовать не столько девушек, на что они страстно надеялись, сколько мух: мухи тучами слетались попить на их шевелюрах.

Однако, поскольку событие это никак невозможно было назвать «ярмаркой, куда приходишь в надежде урвать поцелуй, а если повезёт, то и заручиться обещанием ещё одного», ярмарку эту именовали расчисткой.

Расчистка длилась три дня на исходе лета. Для большинства жителей Меловых холмов эти дни считались выходными. Шёл третий день, а в народе говорили, если до сих пор поцелуя не перепало, значит, пора уже и домой. Тиффани никто не поцеловал, но, в конце концов, она ж ведьма. Чего доброго, ещё превратит невесту во что!

Если в конце лета погода стояла тёплая, люди нередко укладывались спать прямо под открытым небом, под звёздами, ну, или под кустами. Так что, если вздумал пройтись в ночи, ступай осторожнее, чтобы не споткнуться о чьи-нибудь ноги. И, если уж совсем начистоту, случалось и так, что парочки, как говаривала нянюшка Ягг – ведьма, пережившая трёх мужей, – «развлекали себя сами». Жаль, что нянюшка живёт высоко в горах: вот она бы расчистку оценила – а уж как Тиффани оценила бы выражение лица нянюшки при виде великана!

Он – а это определённо был он, не она, – никаких сомнений на этот счёт – был вырезан в дёрне тысячи лет назад. Белый силуэт на зелёном фоне возник в те времена, когда людям приходилось думать о выживании и размножении в полном опасностей мире.

Ах да, а ещё его вырезали, по всей видимости, ещё до того, как были изобретены штаны. В сущности, сказать, что штанов на нём нет, это всё равно что ничего не сказать. Его бесштанность просто-таки заполняла собою мир. Никак невозможно было пройти по узкой дорожке вдоль подножия холмов, не заметив грандиозного, эгм, отсутствия кой-чего, – то есть штанов, – и того, что красовалось там вместо штанов. Эта фигура безусловно изображала мужчину без штанов и уж всяко не женщину[5 - Эта фигура со всей определённостью изображала мужчину без штанов и уж всяко не женщину.Этот гигантский геоглиф в Меловых холмах Плоского мира, точно так же, как и Белая Лошадь во втором романе цикла («Шляпа, полная неба»), списан Терри Пратчеттом с действительно существующей достопримечательности – с Великана из Серн-Эббаса (Cerne Abbas Giant), меловой фигуры на западном склоне крутого Великаньего холма (он же – холм Трендл) поблизости от деревушки Серн-Эббас в

английском графстве Дорсет. Иногда фигуру называют просто Великаном, или Сернским Великаном, или – Невежей (и есть за что!). Изображён Великан нагишом, в высоту достигает 55 м, в ширину – 51 м, в руке сжимает шишковатую дубинку (37 м длиной), и, скажем так, отсутствие на великане штанов и наличие того, что красуется вместо штанов, – едва ли не самая примечательная деталь этого изображения. (Считается, что открытки с изображением Великана – это единственные «неприличные» картинки, которые разрешено посылать по английской почте.) Контур фигуры вырезан в дёрне и почве, а канавки глубиной 0,6 м заполнены меловой крошкой. Изображение слегка менялось с течением лет: так, археологи установили, что некогда через левую руку Великана был переброшен плащ (или звериная шкура). А в 1993 году Национальный трест подновил Великану нос, почти стёршийся за многие годы. Происхождение геоглифа и его точный возраст неизвестны. Как и в случае некоторых других английских меловых фигур, считается, что Великан был вырезан в глубокой древности, однако самые ранние упоминания о нём относятся лишь к концу XVII века, и доказать, существовал ли Великан во времена кельтов, римлян или хотя бы в раннем Средневековье, затруднительно. Если Уффингтонская Белая Лошадь была создана в 800–700 гг. до н. э., чему есть неоспоримые подтверждения, то Великан, возможно, появился только в XVII в. как политическая сатира на Оливера Кромвеля (ведь Кромвеля в насмешку называли Английским Гераклом, а Геракла часто изображали с плащом из шкуры Немейского льва). Впрочем, некоторые исследователи считают, что Великан восходит к эпохе римского владычества и является изображением римского героя Геракла как такового. По ещё одной версии, Великан представляет собою некое кельтское божество и создан между 10 и 51 г. н. э. А вот холм Трендл, несомненно, существовал задолго до появления меловой фигуры и сам по себе является исторической достопримечательностью. На нём сохранились остатки романо-бриттских земляных укреплений под названием Трендл, или Сковородка: бриттское поселение и, по-видимому, погребальный курган железного века, где, возможно, похоронен некий герой, впоследствии изображённый на склоне в виде нагого Великана. В начале XX в. и Великан, и склон холма, на котором он изображён (4 000 кв. м), были подарены Национальному тресту тогдашними землевладельцами; сейчас это – исторический памятник, охраняемый государством. Раз в 25 лет Национальный трест проводит «прополку» и «расчистку» Великана, а при необходимости в канавки подсыпают мела. Во время «расчистки» геоглифов (не только Великана, но и Белой Лошади) действительно устраиваются «расчисточные ярмарки», и развлекаются на них примерно так же, как и в мире Пратчетта (включая сырные гонки и вылавливание ртом яблок). Каково бы ни было его происхождение, Великан из Серн-Эббаса прочно вошёл в культуру и в фольклор Дорсета. Точно так же, как и

его «двойник» в мире Пратчетта, он ассоциируется с культом плодородия и с плодовитостью; с ним связан целый ряд обрядов, церемоний и поверий. В прошлом местные жители устанавливали майский шест посреди земляных укреплений, и бездетные пары танцевали вокруг него: считалось, это поможет им обзавестись потомством. Согласно местному поверью, если женщина, страдающая бесплодием, заснёт на меловой фигуре, то излечится от своего недуга. Великан из Серн-Эббаса не единственный в своём роде. Есть ещё Верзила из Уилмингтона, или Уилмингтонский Великан: фигура на склоне холма Уиндовер, 72 м в высоту, с двумя палками в руках. Неолитическое происхождение этого Великана не подтвердилось – геоглиф был создан в XVI-XVII вв., но и с ним тоже связаны языческие обряды: так, на рассвете первого мая у основания фигуры танцуют моррис. Были и другие сходные изображения – например, Великаны из Плимут-Хоу, изображения Гога и Магога. Их тоже время от времени расчищали, но до сегодняшнего дня они не сохранились. Наряду с Уффингтонской Лошадью, Великан – самая известная из меловых фигур Англии и одна из популярнейших английских достопримечательностей.].

Все, кто приходил на расчистку, по традиции приносили с собой лопатку или даже нож и, продвигаясь по крутому склону холма сверху вниз, вычищали сорняки, выросшие там за прошлый год, чтобы мел вновь засиял свежей белизной, а великан показал себя во всей красе – как если бы до сих пор этого не сделал.

Когда над великаном трудились девушки, тут уж без хихиканья не обходилось.

А повод для хихиканья, равно как и обстоятельства хихиканья, неизбежно заставляли Тиффани вспомнить нянюшку Ягг: обычно та, широко усмехаясь, маячила где-то за спиной у матушки Ветровоск. Она слыла славной, добродушной старушкой, но на самом-то деле была далеко не так проста. Официально она никогда не считалась наставницей Тиффани, но Тиффани многому научилась у нянюшки Ягг: оно выходило как-то само собою. Девушка улыбнулась этой мысли. Нянюшка владела старым тёмным знанием – древней магией, для которой ведьмы и не нужны, магией, что выросла в людей и в землю. Это была магия смерти, и свадьбы, и помолвки. Магия обещаний, которые остаются в силе, даже если их никто не слышал. И всего того, что заставляет стучать по дереву и никогда, никогда не стоять на пути у чёрной кошки.

Для того чтобы понять эту магию, не нужно быть ведьмой. Просто мир вокруг становится... ну, в такие особенные моменты становится более настоящим и

зыбким. Нянюшка Ягг использовала слово «мистический» – непривычно высокопарное в устах старушки, от которой скорее ждёшь: «Да, бренди глотну с удовольствием, спасибочки, и двойной, пожалуйста, чтобы уж два раза не вставать». А ещё она рассказывала Тиффани о давних временах, когда ведьмам, по-видимому, жилось куда веселее. Обо всём том, например, что полагалось делать при смене времён года; обо всех обычаях, что ныне живы разве что в памяти народной, а память эта, как объясняла нянюшка Ягг, глубока, темна, дышит и не меркнет. О всяких мелких обрядах.

Больше всего Тиффани нравился обряд огня. И сам огонь тоже. Это была её любимая стихия. Огонь считался таким могучим, таким страшным для тёмных сил, что с его помощью даже браки заключались: жених с невестой вместе прыгали через костёр[6 - Разумеется, думала про себя Тиффани, если уж прыгать вместе через костёр, то надо заранее позаботиться о жаростойкой одежде и чтобы рядом стоял кто-то с ведром воды, просто на всякий случай. Ведьмы, конечно, дамы разносторонние, но прежде всего они практичны.]. По всей видимости, тут требовалось коротенькое заклинание: нянюшка Ягг не преминула продиктовать Тиффани нужные слова, и они тотчас же запечатлелись в памяти, точно намертво приклеились: многое из того, что рассказывала нянюшка Ягг, оказывалось ужасно липучим.

Но те времена минули. Ныне все сделались ужасно добропорядочными, кроме разве нянюшки Ягг и великана.

В Меловых холмах были и другие изображения. Например, белая лошадь, которая, как считала Тиффани, однажды вырвалась из холма и прискакала ей на помощь. Теперь девушка гадала: а что, если бы то же самое проделал великан? – ведь второпях отыскать пару штанов шести футов в длину куда как непросто. А поторопиться с поисками, как ни крути, очень стоило.

Тиффани похихикала над великаном раз в жизни, и то дело было давным-давно. На самом деле в мире насчитывается всего четыре разновидности людей: мужчины, женщины, волшебники и ведьмы. Волшебники в большинстве своём живут в университетах – далеко, в больших городах; и ещё им не разрешается жениться; Тиффани в толк взять не могла почему. Как бы то ни было, в здешних краях они редкие гости.

Ведьмы – они, безусловно, женщины, но среди знакомых Тиффани те, что постарше, в большинстве своем о супружестве и не помышляли, главным

образом по той причине, что все годные мужья уже достались нянюшке Ягг, но ещё, наверное, потому, что у ведьм просто времени нет. Разумеется, изредка случается и так, что какая-нибудь ведьма возьмёт да и выскочит замуж за какую-нибудь важную шишку, как вот Маграт Чесногк Ланкрская, хотя, по слухам, теперь она разве что лечебными травами занимается. А среди молоденьких ведьмочек Тиффани знала только одну, у которой хватало времени на романтические шуры-муры: это была её лучшая подруга с гор, Петулия. Она специализировалась на свиной магии и вскоре собиралась замуж за очень милого юношу, который в самое ближайшее время унаследует отцовскую свиноферму[7 - Не исключено, что романтическим устремлениям Петулии очень помогло то, что свиньи милого юноши то и дело самым загадочным образом заболели и их срочно требовалось лечить от диареи, запала, отвердения шеи, блуждающего зуба, косоглазия, свинской рожи, жжения, вертежа, вертлюга и смещения коленной чашечки. Это было просто ужасно, ведь больше половины этих болезней у свиней обычно не встречаются, а одна вообще диагностирована только у пресноводных рыб. Но Петулия трудилась не покладая рук и производя самое благоприятное впечатление на соседей. Её метла летала туда-сюда в любое время дня и ночи. В конце концов, что в ведьме главное? – самоотверженность!], – то есть за без пяти минут аристократа.

Но ведьмы не только очень заняты, они ещё и держатся особняком. Это Тиффани усвоила очень рано. Ты – среди людей, но ты не такая, как они. Всегда ощущается своего рода отстранённость, отчуждённость, если угодно. Специально этого добиваться не нужно, оно приходит само собою. Девочки, которых Тиффани знала мало не с рождения, с которыми они когда-то вместе играли и бегали в одних рубашонках, теперь, встречая её на узкой улочке, чуть приседали в реверансе, и даже старики, завидев её, в знак приветствия брались за вихор – ну, или то, что считали вихром.

Причём не просто из уважения, но ещё и в силу некоего страха. У ведьм свои секреты; они всегда приходят на помощь, когда на свет появляются дети. Когда выходишь замуж, очень не помешает заручиться ведьминской поддержкой (даже если не вполне понимаешь, привлекает ли эта ведьма удачу или отводит несчастье); а умрёшь – и здесь тоже без ведьмы не обойтись, она покажет дорогу. У ведьм свои секреты, которыми они никогда не делятся... ну, то есть с тем, кто не ведьма. Между собой-то, собравшись на склоне холма пропустить глоточек-другой (или, в случае госпожи Ягг, глоточек-девятый), они сплетничают как сороки.

Но о настоящих секретах – никогда, никогда о том, о чём не говорят, о сделанном, услышанном и увиденном. Секретов так много, что даже страшно становится, как бы они не просочились наружу. В сравнении с тем, что порой приходилось видеть ведьмам, великан без штанов – это сущие пустяки, и вспоминать-то не стоит.

Нет, Тиффани не завидовала роману Петулии – роману, в котором наверняка не обошлось без высоких сапог, уродливых прорезиненных фартуков и проливного дождя, не говоря уже о неумолчном «хрю-хрю».

Однако она завидовала благоразумию подруги. Петулия давно всё про себя решила. Она знала, чего хочет от будущего, и закатав рукава трудилась над этим будущим, его приближая, – если надо, то и по колено в хрюканье.

Каждая семья, даже высоко в горах, держала хотя бы одну свинью – летом свинья работала помойным ведром, а во все остальные времена года – свиной, салом, ветчиной и колбасами. Свинья – персона важная; старую бабулю, если ей занедужилось, можно подлечить и скипидаром, но если заболела свинья, то сразу же зовут пороссячью ведьму и платят ей за услуги, и хорошо платят (обычно колбасами).

В придачу Петулия прекрасно умела ускучивать свиней; более того, была чемпионкой года в благородном искусстве свиноускучивания. Лучше просто и не скажешь, думала Тиффани; её подруга подсаживалась к свинье и мягко, спокойно заговаривала с нею о самых что ни на есть занудных вещах, пока в свинье не срабатывал какой-то загадочный механизм: свинья блаженно зевала и валилась на бок и с этого момента переставала быть живой свиньёй, и готовилась стать чрезвычайно важной составляющей семейного рациона на весь год. Вы скажете, для свиньи участь не самая завидная; но, учитывая, как грязно и, хуже того, шумно свиньи умирали прежде, изобретение свиноускучивания, по большому счёту, обернулось великим благом для всех и каждого.

Одна-единёшенька в огромной толпе, Тиффани не сдержала вздоха. Трудно тебе приходится, если на голове – чёрная остроконечная шляпа. Люди с тобой вроде как осторожничают. Они держатся уважительно, о да, а порою слегка нервничают, словно ждут, что ты заглянешь им в головы, – в сущности, ты вполне на это способна, с помощью надёжных ведьминых подспорьев: Первого Взгляда и Заднего Ума[8 - Умение видеть с Первого Взгляда – это когда ты видишь то, что есть на самом деле; а умение думать Задним Умом означает

задумываться о том, что ты думаешь. А в случае Тиффани иногда ещё давал о себе знать Дальний Умысел и Ещё Более Дальний Умысел: вот с ними управляться было куда как непросто, того и гляди в дверь врежешься.]. Но это же не магия. Любой может этому научиться, будь у него хоть чуточка здравого смысла, но иногда даже чуточки и той не наберётся. Люди обычно так заняты, проживая жизнь, что даже не остановятся поразмыслить, зачем они живут. А ведьмы – остановятся, вот поэтому в них всегда есть нужда – о да, нужда есть, они нужны практически всегда, но только им, очень вежливо и негласно, не то чтобы всегда рады.

Здесь вам не горы, где к ведьмам давно привыкли; может, жители Мела и дружелюбны, но они тебе не друзья, на самом-то деле вовсе не друзья. Ведьма – она другая. Ведьма знает то, чего не знаешь ты. Ведьма – она не то, что прочие. Ведьму злить не стоит. Ведьма не такая, как все.

Тиффани Болен была ведьмой, а стала она ведьмой потому, что люди нуждались в ведьме. Ведьма нужна всем, просто иногда люди об этом не знают.

И у неё получилось! Образ плотоядной колдуньи из сказок постепенно сходил на нет – всякий раз, как Тиффани помогала молодой матери с первенцем или облегчала старику путь к могиле. Тем не менее старые сказки, старые слухи и старые книжки с картинками, похоже, накрепко вросли в память мира.

Дело осложнялось тем, что в Меловых холмах ведьмы ещё не вошли в традицию: ни одна не дерзнула бы там поселиться, покуда была жива матушка Болен. А матушка Болен, как знали все до единого, была женщина мудрая – достаточно мудрая, чтобы не называться ведьмой. В Меловых холмах не происходило ничего такого, чего бы матушка Болен не одобрила, – по крайней мере, не происходило дольше десяти минут.

Так что Тиффани была ведьмой-одиночкой.

И дело не только в том, что больше она не могла рассчитывать на поддержку ведьм с гор, таких как нянюшка Ягг, и матушка Ветровоск, и тётушка Вровень; но и в том, что жители Мела к ведьмам ещё не привыкли. Другие ведьмы, конечно же, придут и помогут, если позвать, но, хотя сами они ничего подобного не скажут, это, скорее всего, будет означать, что ты не справляешься с ответственностью, что ты недотягиваешь, ты в себе не уверена, ты

недостаточно хороша.

– Простите, госпожа? – раздался боязливый смешок. Тиффани оглянулась: перед ней стояли две девчушки в новеньких выходных платьицах и соломенных шляпках. Девчушки так и буравили её глазами, в которых лишь самую малость проблёскивали озорные искорки. Тиффани поспешно порылась в памяти – и улыбнулась:

– Ах да, Бекки Пардон и Нэнси Честни, верно? Чем я могу вам помочь, девочки?

Бекки Пардон застенчиво вытащила из-за спины букетик и протянула ей. Тиффани, конечно же, сразу его узнала. Она и сама собирала такие букетики для старших девушек, когда была помладше, просто потому, что так полагалось – это входило в ритуал расчистки: нужно было нарвать в холмах диких цветов и перевязать их – и это важно, это магия и есть – травинками, выполотыми для того, чтобы обнажился белый мел.

– Положите его нынче ночью под подушку, и суженый приснится, – промолвила Бекки Пардон очень серьёзно.

Тиффани осторожно взяла из рук девочки чуть подвявший букетик.

– Ну-ка, посмотрим... что у нас тут? – анютины губки, лопотушки душистые, семилистный клевер... это на счастье! – стебелёк львиного зада, отец-и-отчим, ой, и разбитое сердце, и... – Тиффани неотрывно глядела на крохотные бело-красные цветочки.

– Что с вами, госпожа? – встревожились девочки.

– Позабудки![9 - Позабудки – миленькие красно-белые цветочки; юные барышни обычно дарят их своим ухажёрам в знак того, что больше не хотят их видеть, по крайней мере, до тех пор, пока те не научатся основам личной гигиены и не найдут работу.] – отозвалась Тиффани резче, чем собиралась. Но девочки ничего не заметили, так что она с напускной весёлостью продолжила: – Нечасто их здесь встретишь. Должно быть, из чьего-то сада сюда попали. И ещё вы перевязали букетик ситником, сердцевинки которого встарь использовали как фитили для свечей, – ну да вы наверняка это и без меня знаете. Какой чудесный сюрприз! Спасибо большое вам обеим! Надеюсь, вы славно повеселитесь на

ярмарке...

Бекки подняла руку.

– Простите, госпожа...

– Что-то ещё, Бекки?

Бекки зарумянилась и торопливо пошептала о чём-то с подружкой. И вновь обернулась к Тиффани: раскрасневшись ещё ярче, но тем не менее, твёрдо намеренная узнать правду.

– Спрос не грех, верно, госпожа? Ну, то есть если я просто спрошу, мне ведь ничего не будет?..

Сейчас последует: «А как мне стать ведьмой, когда я вырасту?» – подумала Тиффани, потому что именно об этом её обычно и спрашивали. Девочки помладше видели, как она летает на метле, и думали, что ведьмы только этим и занимаются.

– От меня – точно нет, – заверила она вслух. – Спрашивай на здоровье.

Бекки Пардон уставилась в землю.

– Госпожа, а у вас любовные части есть?

Ещё один талант, ведьме совершенно необходимый, – это ничем не выдавать своих мыслей и, в частности, ни при каких обстоятельствах не каменеть лицом. Недрогнувшим голосом и без тени смущения Тиффани ответила:

– Это чрезвычайно интересный вопрос, Бекки. А можно я полюбопытствую, почему он возник?

Теперь, когда её вопрос был озвучен и перешёл, так сказать, в открытый доступ, девочка явно почувствовала себя куда счастливее.

– Понимаете, госпожа, я спросила бабушку, можно, я стану ведьмой, когда вырасту, а она сказала, ничего хорошего в том нет, что мне самой не понравится, потому что ведьмы – они не по любовной части.

Под прицелом двух серьёзных, испытующих взглядов Тиффани лихорадочно размышляла. Это ведь фермерские дочки, они наверняка видели, как на свет появляются котята и щенята. Они и окот овец видели, и, скорей всего, как корова телится, – это дело шумное, его не пропустишь. Они знают, о чём спрашивают.

В этот миг вмешалась Нэнси:

– Просто, госпожа, если всё так, можно, мы заберём цветочки, вы ж на них уже посмотрели, а жалко, если они пропадут, не в обиду будь сказано. – И девочка на всякий случай отскочила.

Тиффани расхохоталась, сама себе удивляясь. Как же давно она не смеялась! Люди с интересом заозирались, а Тиффани успела-таки схватить обеих девчушек, не дав им сбежать, и развернула лицом к себе.

– Вы обе просто молодчины, – похвалила она. – Приятно видеть, что не все разучились думать. Никогда не стесняйтесь задавать вопросы. А вот и ответ на ваш: в том, что касается любовных частей, ведьмы устроены точно так же, как и все прочие люди, вот только у ведьм обычно столько дел, что им просто не до того.

Девочки с облегчением выдохнули: выходит, их труды не пропали даром; а Тиффани мысленно подготовилась к очередному вопросу. Задала его снова Бекки:

– Стало быть, у вас есть жених, госпожа?

– Нет, прямо сейчас – нету, – коротко отозвалась Тиффани, овладев собою настолько, чтобы в лице её ровным счётом ничего не отразилось. И повертела в руках букетик. – Но как знать, если вы всё сделали правильно, может, я найду себе кого-нибудь, вот и выйдет, что вы лучшие ведьмы, чем я. – Обе девочки просияли от такой откровенно вопиющей лести, и новых вопросов не последовало.

– А теперь вот-вот начнутся сырные гонки, – напомнила Тиффани. – Вы же не хотите их пропустить!

– Не хотим, госпожа, – хором отозвались девочки. И, уже уходя, исполненная облегчения и сознания собственной значимости Бекки потрепала Тиффани по руке. – С женихами оно всегда непросто, – объяснила она с убеждённой уверенностью человека, прожившего на свете (как совершенно точно знала Тиффани) целых восемь лет.

– Спасибо, – поблагодарила Тиффани. – Буду иметь в виду.

Что до ярмарочных развлечений – например, корчить рожи, просунув голову в лошадиный хомут, или там подраться подушками на скользком бревне, или даже вылавливать ртом лягушек – что ж, Тиффани могла в них поучаствовать, а могла и нет, на своё усмотрение; и, по правде сказать, предпочитала последнее. Но вот полюбоваться на старые добрые сырные гонки она любила – ну то есть посмотреть, как старый добрый сыр катится себе вниз по склону холма, хотя и не по изображению великана – иначе сыр потом никто и есть бы не стал.

В гонках участвовали твёрдые сыры, иногда сделанные специально для такого случая, а победителю-сыровару, чей сыр скатывался к подножию холма целым и невредимым, доставался пояс с серебряной пряжкой – и всеобщее восхищение.

Тиффани была настоящим мастером-сыроваром, но в гонках никогда не участвовала. Ведьмам в таких состязаниях выступать нельзя, ведь если ты выиграешь – а Тиффани знала, что один-два её сыра непременно победили бы, – все скажут, что это несправедливо, она же ведьма; ну то есть так все подумают, даже если скажут – единицы. А если не выиграешь, люди зафыркают: «Как так, чтоб ведьма – и не умела сварить сыр, который обставил бы самые обыкновенные сыры, сваренные самыми обыкновенными людьми вроде нас?»

В преддверии начала сырных гонок толпа чуть всколыхнулась, хотя аттракцион с лягушками по-прежнему собирал огромное количество зрителей – это ведь развлечение смешное и беспринципное, особенно для тех, кто сам не участвует. Ко всеобщему сожалению, фокусник, запускающий себе в штаны хорьков (его личный рекорд составлял девять штук), в этом году не явился; люди прямо забеспокоились, уж не утратил ли он былую хватку. Но рано или поздно все постепенно сойдется к линии старта сырных гонок. Уж такова

традиция.

Склон здесь очень круто уходил вниз, а буйное соперничество между владельцами сыров приводило к предсказуемым последствиям: слово за слово, а там, глядишь, начинают друг друга отталкивать, и отпихивать, и лягаться, и не обходится без синяков; а порою и сломанной руки-ноги. Словом, всё шло своим чередом, участники выстраивали свои сыры в одну линию, но тут Тиффани заметила (и, по-видимому, заметила только она одна), как какой-то рискованый сыр сам по себе вкатился вверх по склону: весь чёрный под слоем пыли и обвязанный клочком грязной сине-белой тряпки.

– Ох, нет! – воскликнула она. – Гораций! Где ты, там жди неприятностей!

Тиффани стремительно обернулась, зорко высматривая хоть малейшие признаки того, чего рядом быть не должно.

– А ну-ка послушайте меня, – прошептала она чуть слышно. – Я знаю, что по крайней мере один из вас где-то рядом. Ярмарка не для вас, это людские дела! Понятно?

Но поздно! Распорядитель Празднества, увенчанный громадной широкополой шляпой с галуном вдоль полей, засвистел в свисток, и сырные гонки, как он выразился, «стартовали» – это ведь звучит куда более торжественно, чем просто «начались». А распорядитель в шляпе с галуном ни за что не воспользуется простым словом, если можно подыскать подлиннее и повнушительнее.

Тиффани боялась даже глядеть в ту сторону. Бегуны не столько бежали, сколько катились кубарем за своими сырами, то и дело оскальзываясь. Но уши-то не заткнешь: оглушительный крик поднимался всякий раз, когда чёрный сыр не только вырывался вперёд, но порою разворачивался и снова вкатывался вверх по холму, чтобы с разгона врезаться в какого-нибудь обыкновенного, ни в чём не повинного собрата. Слышно было, как Гораций тихонько урчит, взлетая на вершину.

Сырные гонщики осыпали его проклятиями, пытались его схватить, колотили по нему палками, но сыр-разбойник пулей пронёсся сквозь толпу и снова приземлился у подножия холма, чуть обогнав жуткую кучу-малу из людей и сыров, что громоздилась всё выше; а затем неспешно откатился обратно наверх.

и скромно угнездился там, всё ещё возбуждённо подрагивая.

Внизу, у подножия, то и дело вспыхивали драки между гонщиками, у которых ещё оставались силы ткнуть кого-нибудь кулаком, а поскольку внимание зрителей сосредоточилось на этих потасовках, Тиффани, улучив момент, схватила Горация и затолкала его в свою котомку. В конце концов, это её сыр. Ну, то есть она его сделала, хотя в варево, должно быть, попало что-то странное, поскольку Гораций был единственным на её памяти сыром, который жрал мышей и если не приколотить его к полу гвоздями, то и другие сыры тоже. Не диво, что он так славно поладил с Нак-мак-Фиглями[10 - Если вы не знаете, кто такие Нак-мак-Фигли, 1) будьте благодарны за то, что жизнь ваша скучна и бедна событиями; и 2) будьте готовы уносить ноги, если существо не выше вашей лодыжки заорёт: «Раскудрить!» Они, строго говоря, одна из разновидностей фейри, но им об этом лучше не напоминать, если вы предпочитаете сохранить все зубы.], которые приняли его в почётные члены клана. Такой сыр им прямо родственная душа.

Украдкой, надеясь, что никто не заметит, Тиффани поднесла котомку к губам и прошептала:

– Разве можно так себя вести? Тебе не стыдно?

Котомка качнулась взад-вперёд, но Тиффани отлично знала, что понятие «стыдно» в активный словарный запас Горация не входит, как, впрочем, и любые другие слова. Девушка опустила котомку, отошла немного в сторону от толпы и промолвила:

– Явор Заядло, я знаю, что ты тут.

Он и впрямь был тут – восседал у неё на плече как ни в чём не бывало. Тиффани почуяла знакомый запах. Несмотря на то что Нак-мак-Фигли мыться не привыкли, разве что под дождём, пахли они всегда как слегка поддатые картофелины.

– Кельда послала мя позирить, как те поживается, – сообщил вождь Фиглей. – Ты в курганс к ней вот уж две недели как не суйносилась, – продолжал он, – я так думаю, кельда волнуецца, не стряснулось ли с тобой каких злей, уж больно непосильно ты трудягаешься.

Тиффани застонала, но про себя. А вслух сказала:

– Очень мило с её стороны. Дел всегда невпроворот; уж кому и знать, как не кельде. И сколько бы я ни работала, работе конца-края нет. Всю не переделаешь. Но беспокоиться не о чем. Со мной всё хорошо. И пожалуйста, не бери больше с собой Горация в людные места – сам видишь, он перевозбуждается.

– Ваще-то вон там, на вывешалке, грится, что эт всё для народа холмьёв, дык мы ж народ холмьёв и есть! Мы – фольхлорный элемент! А фольхлор – эт святое! А ишшо я думкал зайти поздоровкаться с верзуном без штаньёв. Он у нас мил громазд мал-малец, точняк! – Явор помолчал и тихо добавил: – Так мне ей сказануть, что с тобой всё типсы-топсы, ах-ха? – Фигль явно нервничал, как если бы очень хотел сказать больше, да только знал, что добра с того не будет.

– Явор Заяadlo, я буду очень признательна, если именно так ты и сделаешь, – отозвалась Тиффани, – потому что, если глаза меня не обманывают, мне нужно срочно заняться пострадавшими.

Явор Заяadlo с видом мученика, взявшегося за неблагодарное дело, лихорадочно выпалил те роковые слова, что велела ему сказать жена:

– Кельда грит, в море рыбсов ишшо навалом!

На мгновение Тиффани словно окаменела. А затем, не глядя на Явора, тихо произнесла:

– Поблагодари кельду за ценные сведения о рыбной ловле. А у меня срочная работа, извини. Пожалуйста, не забудь поблагодарить кельду.

Почти все зрители уже спустились к подножию склона – поглазеть, помочь, может, даже неумело подлечить стонущих сырных гонщиков. Для зевак, понятное дело, всё это было очередным развлечением: в самом деле, часто ли полюбуешься на такую славную кучу-малу из людей и сыров. И – как знать? – вдруг там есть по-настоящему интересные увечья.

Тиффани, радуясь, что ей нашлось дело, поспешила к месту событий; ей даже не пришлось проталкиваться – остроконечная чёрная шляпа заставляла развесёлую толпу расступиться быстрее, чем святой – неглубокое море. Одним взмахом руки девушка пролагала себе путь; подпихнуть пришлось разве что пару тугодумов. Собственно говоря, выяснилось, что урон в этом году невелик: одна сломанная рука, одна нога, одно запястье и огромное множество синяков, царапин и ссадин, ведь гонщики большую часть пути вниз проехали на чём пришлось, а трава не всегда дружелюбна. В результате несколько явно страдающих юношей со всей категоричностью отказывались обсуждать свои телесные повреждения с дамой – спасибо за заботу, но мы уж как-нибудь сами! – так что Тиффани велела им приложить дома холодный компресс к пострадавшей части тела, уж где бы она ни находилась, и те неверной походкой побрели прочь. Девушка проводила их взглядом.

Она ведь всё правильно сделала, так? Показала своё искусство перед любопытствующей толпой и, судя по тому, что ей довелось услышать краем уха от стариков и женщин, справилась очень даже неплохо. Возможно, ей просто почудилось, что один-двое смущённо замялись, когда старик с бородой до пояса, усмехнувшись, заметил: «Девчонка, которая умеет кости вправлять, без мужа всяко не останется». Но это всё было и минуло, и за неимением других дел люди неспешно побрели вверх по длинному склону... и тут мимо проехала карета, и, что ещё хуже, остановилась.

На дверце красовался герб семьи Кипсек. Из кареты вышел юноша. Он выглядел по-своему привлекательно, но держался чопорно и неестественно прямо – хоть простыни на нём гладь. Это был Роланд. Он не успел сделать и шагу, как довольно неприятный голос из глубины кареты отчитал его за то, что не подождал, пока лакей придержит дверцу, и велел поторапливаться, не до ночи же тут прохлаждаться.

Молодой человек быстро зашагал к толпе, и все тут же встrepенулись, выпрямились, оправились, потому что, в конце концов, это же сын барона, которому принадлежат почти все Меловые холмы и почти все дома на них, и хотя барон, конечно, очень даже порядочный старикан – по-своему, по-старикански, – выказать толику уважения его семье – идея, безусловно, не из худших...

– Что тут случилось? Все ли целы? – осведомился юноша.

Жизнь в Меловых холмах обычно текла довольно благостно, и господа и подданные относились друг к другу со взаимным уважением; однако ж фермеры унаследовали мысль о том, что с властью имущими разговоры лучше не разговаривать: вдруг ляпнешь что-нибудь не к месту. В конце концов, в замке и по сей день есть пыточная камера, пусть даже ею не пользовались вот уже много сотен лет... ну, это, лучше поостеречься, лучше отойти и не отсвечивать, пусть ведьма объясняется. Она, если что, всегда может улететь прочь.

– Боюсь, на ярмарке без мелких травм не обойтись, – отозвалась Тиффани, остро осознавая, что она единственная из присутствующих женщин не присела в реверансе. – Несколько переломов быстро срастутся, а кто-то просто запыхался. О пострадавших уже позаботились, спасибо за беспокойство.

– Вижу, вижу! Отличная работа, юная барышня, браво!

На мгновение Тиффани так стиснула зубы, что едва их не разжевала. Услышать «юная барышня» от... него? Такое лишь самую малость до оскорбления недотягивает. Но никто, похоже, ничего не заметил. В конце концов, благородные именно так и изъясняются, когда хотят выказать дружелюбие. Он пытается разговаривать с нами, как его отец, подумала Тиффани, но его отец делал это инстинктивно, сам того не сознавая, – и у него отлично получалось. Нельзя говорить с людьми, точно на общественном собрании.

– Покорно благодарю, сэра, – отозвалась она.

Ну что ж, пока всё шло не так уж и плохо... но тут дверца кареты снова распахнулась, и беленькая изящная ножка ступила на кремневый склон. Это она: не то Настурция, не то Форзиция, не то Летиция, какое-то там имечко прямо с клумбы. На самом деле Тиффани отлично знала, что девушку зовут Летиция, но неужто она не может позволить себе крошечку вредности внутри собственной головы? Летиция! Тоже мне, имечко! Не то разнообразность салата, не то кошка чихнула! И вообще, кто она такая, эта Летиция, чтобы не пускать Роланда на расчисточную ярмарку? Его место – там! Его старик-отец был бы там, если бы ему хватило сил! И вы только гляньте! Крохотные беленькие туфельки! Надолго ли таких туфелек хватит, если делом заниматься? Тут Тиффани оборвала себя: повредничала – и хватит.

Летиция оглядела Тиффани и толпу едва ли не в страхе и вымолвила:

– Поедем, пожалуйста, хорошо? Мама уже нервничает...

И вот карета уехала, и шарманщик тоже, к счастью, ушёл, ушло и солнце, а кое-кто остался в тёплой сумеречной тени. И Тиффани полетела домой одна-одинёшенька, на такой высоте, что заглянуть ей в лицо могли только летучие мыши да совы.

Глава 2. Лютая музыка

Тиффани поспала где-то с час – и тут начался кошмар.

Из того вечера ей лучше всего запомнилось, как голова господина Пенни глухо стучалась о стену и перила, когда она вытащила его из постели и поволокла за грязную ночную рубашку вниз по лестнице. Он был тяжёлый, громоздкий и полусонный, ну то есть на одну половину сонный, а на вторую – мертвецки пьяный.

Важно было не давать ему времени на размышление, ни единой минуты, пока Тиффани тянула его за собою как мешок. Он был в три раза тяжелее её, но Тиффани умела пользоваться рычагом. Какая ж ты ведьма, если не в силах управиться с кем-то, кто тяжелее тебя? Как иначе перестелить больному простыни? Так что здоровяк съехал по последним нескольким ступенькам в тесную кухоньку – и его вырвало прямо на пол.

Тиффани тому весьма порадовалась: лежать в вонючей блевотине – это самое меньшее, чего господин Пенни заслуживал; но ей необходимо было немедленно взять происходящее под контроль, пока тот не опомнился.

Как только началось избиение, перепуганная госпожа Пенни, обычно тихая как мышка, громко причитая, пробежала по деревенским улицам к пабу, и отец

Тиффани тут же послал мальчишку разбудить дочь. Господин Болен был человеком предусмотрительным и, конечно же, знал, что пивной задор после ярмарочного дня способно всех погубить. Уже летя на метле к дому Пенни, Тиффани уловила первые ноты лютой музыки.

Она шлёпнула господина Пенни по щеке.

– Вы это слышите? – спросила девушка, указывая рукой на тёмный проём окна. – Вы слышите? Это звуки лютой музыки, а играют её для вас, господин Пенни, для вас! И у них колья! И камни! Они похватали всё, что под руку подвернулось, а ещё у них кулаки, а ребёнок вашей дочери умер, господин Пенни. Вы так избили дочь, господин Пенни, что ребёнок умер, женщины утешают вашу жену, и вся деревня знает, что вы сделали, – все знают, все до единого.

Тиффани неотрывно глядела в его налитые кровью глаза. Руки господина Пенни машинально сжались в кулаки, потому что он всегда был из тех, кто думает кулаками. Очень скоро он попытается пустить их в ход; Тиффани знала это заранее, потому что проще ж бить, чем думать. Господин Пенни кулаками прокладывал себе путь в жизни.

Лютая музыка приближалась медленно: ведь очень непросто брести через поля тёмной ночью, когда ты накачался пивом, даже если ты при этом пылаешь гневом праведным. Девушке оставалось только надеяться, что сарай люди обыщут не в первую очередь, потому что тогда господина Пенни вздёрнут тут же, на месте. И если просто-напросто вздёрнут, это ему ещё очень повезёт. Заглянув в тот сарай и увидев, что совершилось убийство, Тиффани сразу поняла: без неё совершится ещё одно. Она наложила на Амбер заклинание, чтобы забрать её боль, и сейчас удерживала этот сгусток над своим плечом. Боль, понятное дело, была невидима, но перед её мысленным взором пылала оранжевым пламенем.

– Это всё тот пацан, – пробормотал здоровяк; по груди его стекала блевотина. – Явился не запылится, вскружил девке голову, та и слушать не желала ни мать, ни меня. А ей всего-то тринадцать. Позорище какое!

– Вильяму тоже тринадцать, – отозвалась Тиффани, стараясь, чтобы голос её звучал ровно. Это было непросто: ярость выплёскивалась и рвалась наружу. – Вы пытаетесь объяснить мне, что она слишком мала, чтоб влюбиться, но достаточно

мала, чтобы избить её до полусмерти, да так, что кровь потечёт, откуда вообще течь не должна?

Тиффани не была уверена, пришёл ли здоровяк в сознание и образумился ли, ведь даже в лучшие времена разума у него было так мало, что поди узнай, есть ли он вообще.

– Накуролесили они будь здоров, – возразил он. – А мужик в доме порядок навести должен, что, не так, что ли?

Тиффани без труда представила себе пылкие речи, гремевшие в пабе, что послужили прелюдией к музыке. В деревнях Меловых холмов оружия, по большому счёту, не водилось, зато были серпы, и косы, и кровельные ножи, и здоровенные тяжёлые молоты. Это всё не оружие – до тех пор, пока ты кого-нибудь им не ударишь. А про дурной нрав старого Пенни знали все; его жена не раз объясняла соседям, что синяк у неё под глазом из-за того, что в дверь не вписалась.

О да, Тиффани отлично представляла себе разговоры в пабе, а тут и пиво подключилось, и люди начали вспоминать, где там по сараям висят все эти штуки, которые не оружие. Каждый мужчина – король в своём маленьком замке. Все об этом знают – по крайней мере, все мужчины, так что в чужие замки ты свой нос не суёшь и в тамошние дела не мешаешься, пока из замка не начнёт пованивать, а тогда приходится что-то с этим делать, пока все окрестные замки не обрушились. Господин Пенни был одним из мрачных секретов округи, но теперь тайное стало явным.

– Я – ваш единственный шанс, господин Пенни, – промолвила Тиффани. – Бегите прочь. Хватайте что сможете и бегите не мешкая. Бегите туда, где про вас никогда не слышали, а потом ещё чуть подальше, на всякий случай, потому что я не смогу их остановить, вы понимаете? Лично мне всё равно, что станется с вашей жалкой тушей, но мне не хотелось бы, чтобы хорошие люди превратились в плохих, запятнав себя убийством, так что улепётывайте-ка вы через поля, а я, так и быть, позабуду, в какую сторону вы двинулись.

– Ты не можешь выставить меня из моего собственного дома, – пробормотал он с пьяным упрямством.

– Вы уже потеряли дом, и жену, и дочь... и внука, господин Пенни. Нынче ночью никто за вас не вступится. Я всего лишь предлагаю вам жизнь.

– Это не я виноват, а пойло! – заорал Пенни. – Это всё по пьяни вышло, госпожа!

– Но вы пили пойло, и снова пили пойло, и снова, и ещё раз, – напомнила Тиффани. – Вы пили пойло весь день на ярмарке, а вернулись только потому, что пойлу захотелось баиньки. – В сердце Тиффани ощущала лишь холод.

– Ну, виноват!

– Этого недостаточно, господин Пенни, этим вы не отделаетесь. Ступайте прочь и исправьтесь, и тогда, может быть, когда вы вернётесь другим человеком, люди, глядишь, не побрезгуют поздороваться с вами или хотя бы кивнуть.

Тиффани неотрывно следила за его взглядом: она знала этого человека. Внутри у него всё кипит. Ему стыдно, он растерян и разобижен, а в таких обстоятельствах все Пенни мира бьют не раздумывая.

– Пожалуйста, не надо, господин Пенни, – предостерегла Тиффани. – Вы вообще представляете, что с вами будет, если вы поднимете руку на ведьму?

«С такими-то кулачищами ты, пожалуй, уложишь меня одним ударом, вот почему я намерена хорошенько тебя запугать», – подумала она про себя.

– Это небось ты на меня лютую музыку натравила?

Тиффани вздохнула.

– Музыкой никто не управляет, господин Пенни, вы сами это знаете. Музыка рождается сама собою, когда люди решают, что сыты по горло. Никто не знает, с чего она начинается. Люди просто переглядываются, встречаются глазами друг с другом, коротко кивают, а другие люди это видят. Другие люди перехватывают их взгляды, и так, очень медленно, начинает звучать музыка, и кто-нибудь хватает ложку и колотит ею по тарелке, а кто-то ещё уже стучит кувшином по столу, и башмаки притопывают об пол, всё громче и громче. Это звук гнева, этот звук дает понять: людское терпение иссякло. Вы хотите встретиться с музыкой

лицом к лицу?

– Думаешь, ты тут самая умная, да? – прорычал Пенни. – С этой своей метлой и чёрной магией, раскомандовалась тут обнаковенными людьми...

Тиффани испытала невольное восхищение. Вот перед нею человек, у которого в целом мире не найдётся ни единого друга, он весь обляпан собственной блевотиной, и – Тиффани принялась: да, точно, низ ночной рубашки пропитан мочой – и однако у него ещё хватает глупости огрызаться.

– Не то чтобы самая умная, господин Пенни, просто поумнее вас. А это не так сложно.

– Да ну? Смотри, не ровен час доумничаешься. Соплюха мелкая, а туда же, в чужие дела нос суёт... Что ты станешь делать, когда музыка придёт за тобой, а?

– Бегите, господин Пенни. Убирайтесь отсюда. Это ваш последний шанс, – убеждала Тиффани. И, скорее всего, не ошибалась: в гвалте уже можно было расслышать отдельные голоса.

– Не позволит ли ваше величество человеку хотя бы башмаки надеть? – язвительно осведомился Пенни. Наклонился за ними – башмаки стояли под дверью. Однако прочесть господина Пенни не составляло труда – как малюсенькую книжицу с захватанными страницами, где вместо закладки – кусок сала.

Он выпрямился, размахивая кулаками.

Тиффани шагнула назад, перехватила его запястье – и выпустила боль. Дала ей стечь вниз по руке, оставляя после себя лёгкое покалывание, в сложенную чашечкой ладонь, а из ладони выплеснула в господина Пенни всю боль его дочери за одну секунду. Его швырнуло через кухню и, должно быть, выжгло в нём всё, кроме животного страха. Он врезался в шаткую заднюю дверь, как бык, проломил её и исчез в темноте.

А Тиффани, пошатываясь, побрела обратно в сарай, где горела лампа. Матушка Ветровоск уверяла, что, неся чужую боль, ты её не чувствуешь, но это была

ложь. Ложь во спасение. Боль, которую несёшь, очень даже чувствуешь, и поскольку на самом-то деле это не твоя боль, терпеть её как-то можно – но, расставшись с ней, ты потрясена и обессилена.

Когда с лязгом и гомоном нагрянула толпа, Тиффани тихонько сидела в сарае рядом со спящей девушкой. Шум гремел повсюду вокруг дома, но внутрь не врывается: таково одно из неписанных правил. Трудно поверить, что безвластие лютой музыки подчиняется каким-то правилам, но они есть; лютая музыка может продолжаться три ночи или ограничиться одной, и никто не выходит из дома, пока в воздухе грохочет музыка, и никто не прокрадывается домой и не возвращается под крышу, разве что молить о прощении, понимании или десяти минутах на сборы и бегство. Лютую музыку не подготавливают заранее. Она словно бы приходит на ум всем и каждому одновременно. Она начинает звучать, когда деревня решает, что кто-то слишком сильно избил жену или слишком жестоко – собаку, или если женатый мужчина и замужняя женщина позабыли, что состоят в браке не друг с другом. Были и иные, ещё более мрачные преступления против музыки, но о них в открытую не говорили. Иногда людям удавалось, исправившись, заставить музыку умолкнуть; но чаще они собирали пожитки и съезжали ещё до наступления третьей ночи.

Но Пенни намёка не понял бы, Пенни враскачку вышел бы навстречу толпе. Завязалась бы драка, кто-нибудь натворил бы глупостей, ну, то есть ещё больших глупостей, чем Пенни. А потом об этом узнал бы барон, и люди потеряли бы средства к существованию, им пришлось бы покинуть Мел и, чего доброго, отправиться за десять миль в поисках работы и начинать жизнь заново среди чужаков.

Отец Тиффани обладал врождённой чуткостью; он тихо приоткрыл дверь сарая через несколько минут после того, как музыка притихла. Девушка понимала, что отцу немного неловко: он – человек почтенный, уважаемый, но теперь так уж сложилось, что его дочь – персона более важная, чем он сам. Ведь ведьме никто не указ; и Тиффани знала, что соседи его на этот счёт слегка поддразнивают.

Тиффани улыбнулась, и господин Болен присел на сено рядом с нею, пока лютая музыка искала и не находила, кого избить, забросать камнями или вздёрнуть. Господин Болен и в лучшие-то времена говорил немного. Он оглянулся, задержал взгляд на крохотном свёрточке, поспешно увязанном в солому и мешковину: Тиффани положила его там, где Амбер не увидит.

– Выходит, это правда, она ждала ребёнка?

– Да, пап.

Отец Тиффани глядел словно бы в никуда.

– Хорошо бы Пенни не нашли, – проговорил он, выдержав долгую паузу.

– Да, – согласилась Тиффани.

– Кое-кто из парней говорит, его вздёрнуть надо. Мы бы их, понятно, остановили, но дурное это дело, когда люди встают друг против друга. Для деревни это всё равно что яд.

– Да.

Они немного посидели молча. Затем её отец перевёл взгляд на спящую девушку.

– Что ты для неё сделала? – спросил он.

– Всё, что в моих силах, – отвечала Тиффани.

– И эту болезабирательную штуку тоже?

Она вздохнула.

– Да, но забрать нужно не только боль. Пап, мне нужна лопата. Я похороню бедняжку в лесу, где никто не увидит.

Отец отвёл глаза.

– Хотелось бы мне, чтобы этим занималась не ты, Тифф. Тебе ж ещё шестнадцати нет, а ты носишься по всей округе, ходишь за больными, нянчишь, перевязываешь, невесть какую ещё работу делаешь. Не тебе бы за всё это браться.

– Да, знаю, – кивнула Тиффани.

– Но почему? – снова спросил он.

– Потому что другие не берутся, или не хотят, или не могут, вот почему.

– Но это же не твоё дело, нет?

– Я решила, что моё. Я – ведьма. Это наша работа. Когда никому больше нет дела, значит, это – моё дело, – не замедлила с ответом Тиффани.

– Да, но мы-то все думали, ведьмовство – это летать туда-сюда на метле и всё такое, а не старушкам ногти на ногах подстригать.

– Но люди не понимают, что нужно другим, – объясняла Тиффани. – Нет, они вовсе не так уж плохи; просто они не задумываются. Вот взять хоть старую госпожу Чулок, у неё в целом свете никого и ничего нет, кроме кошки и жуткого артрита. Люди частенько приносят ей поесть, что правда, то правда, но никто даже не заметил, что ногти у неё на ногах отросли такие длинные, что загнулись внутри башмаков, и она вот уж год как не могла разуться! В наших местах люди и подкормят, если надо, и букетик цветов нарвут, но чуть дело дойдёт до работы погрязнее, то рядом никого никогда не оказывается. А ведьмы такие вещи замечают. Ну да, носиться туда-сюда на метле приходится, что правда, то правда, но главным образом – чтобы побыстрее добраться до очередного безобразия.

Отец покачал головой.

– И тебе нравится этим заниматься?

– Да.

– Но почему?

Тиффани размышляла над ответом под испытующим взглядом отца.

– Ну, пап, помнишь, как говорила матушка Болен: «Накорми тех, кто голоден, одень тех, кто гол, вступишь за тех, у кого нет голоса»? Так я думаю, можно и продолжить: «Пособи тем, кто не в силах нагнуться, подай тем, кто не в силах дотянуться, обмой тех, кто не в силах повернуться», так? А ещё потому, что иногда выдаётся хороший день, и он искупает все плохие дни, вместе взятые, и в этот краткий миг слышишь, как вращается мир, – отвечала Тиффани. – Не могу объяснить иначе.

Отец глядел на неё с озадаченной гордостью.

– И тебе кажется, оно того стоит, да?

– Да, папа!

– Тогда я горжусь тобой, джиггат, ты поступаешь по-мужски!

Отец назвал её прозвищем, которое знали только домашние, и Тиффани вежливо поцеловала его за это, не сказав, что вряд ли ему доведётся встретить мужчину, который делает то же, что она.

– А что вы надумали насчёт семьи Пенни? – спросила Тиффани.

– Мы с твоей мамой можем пока приютить госпожу Пенни с дочкой и... – Господин Болен помолчал и посмотрел на дочь как-то странно, так, словно она внушала ему страх. – Всё очень непросто, девочка моя. Сет Пенни был неплохим пареньком в пору нашего детства. Не самый смыслёный поросёнок в помёте, согласен, но – на свой лад неплохой. А вот его папаша был просто двинутый, ну, то есть в те времена с детьми не особо церемонились, станешь озоровать – по ушам огребёшь, но у папаши Сета был толстый кожаный ремень с двумя пряжками, и Сету попадало уже за то, что не так посмотрел. Чистая правда! Пенни-старший говаривал, что его уроки парень по гроб жизни запомнит.

– Похоже, у него получилось, – отозвалась Тиффани, но отец предостерегающе поднял руку.

– А потом ещё Молли, – продолжал он. – Не могу сказать, что Молли и Сет были предназначены друг для друга, потому что, по правде говоря, ни тот, ни другая

никому особо не подходили, но, наверное, они были по-своему счастливы вместе. В те времена Сет работал гуртовщиком, перегонял стада – иногда аж до больших городов. В этом деле особой учёности не требуется, и не удивлюсь, если иные овцы были посмышлёнее его самого, но работу-то делать надо, работа не виновата, он деньги в дом приносил, и кто его осудит? Беда в том, что ему приходилось оставлять Молли одну на много недель подряд, и... – Отец Тиффани смущённо умолк.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – промолвила Тиффани, пытаясь помочь отцу, но тот старательно пропустил её фразу мимо ушей.

– Нет, она была девчонка-то неплохая, – объяснял господин Болен. – Просто толком не понимала, что к чему, и некому было ей объяснить, а в деревне перебивало столько приезжих да путешественников, прямо пруд пруди. И некоторые – очень даже симпатичные.

Тиффани сжалась над отцом: тот сидел с несчастным видом, сконфуженно рассказывая своей маленькой девочке то, что девочкам знать не полагается.

Так что она наклонилась и снова чмокнула отца в щёку.

– Я понимаю, пап. Я правда всё понимаю. Амбер на самом деле не его дочь, так?

– Ну, я этого не говорил, верно? Может, и его, – неловко отозвался отец.

«В том-то и беда, не так ли? – думала Тиффани. – Может быть, если бы Сет Пенни знал наверняка, так это или не так, он бы свыкся с этим. Может быть. Кто знает».

Но он не знал, и бывали дни, когда он думал, что знает, и бывали дни, когда он думал самое худшее. А у таких людей, как Пенни, которые думать не привыкли, тёмные мысли катаются в голове туда-сюда, пока не опутают весь мозг. А когда мозг перестаёт думать, в ход идут кулаки.

Отец не спускал с Тиффани глаз.

– Ты и про такие дела знаешь? – спросил он.

– Мы называем это «ходить по домам». Все ведьмы так делают. Пожалуйста, пап, попытайся меня понять. Я всяких ужасов навидалась, и некоторые были особенно ужасны, потому что считались, ну, в порядке вещей. Все эти маленькие секреты за закрытыми дверьми, папа. И хорошее, и плохое – всё то, о чём я не хочу тебе говорить. Просто работа у ведьм такая. Ты учишься схватывать на лету.

– Ну, видишь ли, у нас у всех жизнь – не сахар... – начал отец. – Было время, когда...

– Жила одна старушка в горах неподалёку от Ломтя, – перебила его Тиффани. – Она умерла в собственной постели. Ничего особенно плохого в этом не было на самом-то деле; просто жизнь в ней иссякла. Но она пролежала там два месяца, прежде чем кто-либо задумался, а не случилось ли чего. Там, в Ломте, народ вообще странноватый. А хуже всего то, что её кошки никак не могли выбраться наружу и начали питаться хозяйкой; ну то есть она обожала кошек и, скорее всего, не возражала бы, но одна окотилась прямо у неё в постели. Да-да, в постели. Очень трудно было потом пристроить котят – в тех местах, где этой истории ещё не слышали. А котята такие красивые народились, голубоглазые, прямо чудо.

– Эгм, – начал отец. – Ты говоришь «у неё в постели», то есть ты хочешь сказать...

– Ну да, и она лежала там же, – подтвердила Тиффани. – Да, мне приходится иметь дело с покойниками. В первый раз тебя, скорее всего, немного стошнит, а потом просто понимаешь, что смерть, это, ну, часть жизни. Всё не так плохо, если думать о ней как о списке неотложных дел и делать по одному зараз. Можно и поплакать немножко, но и это тоже часть списка.

– И тебе никто не помог?

– О, помогли две женщины, когда я постучалась к ним в дверь, но, по правде сказать, до старушки никому дела не было. Так порою случается. Люди в одночасье исчезают. – Тиффани помолчала. – Пап, мы ведь старым каменным амбаром так и не пользуемся? Ты не пошлешь ребят его для меня вычистить?

– Конечно, – кивнул отец. – А можно я спрошу зачем?

Тиффани оценила его вежливость: он ведь разговаривал с ведьмой.

– Мне кажется, у меня есть идея, – отозвалась она. – И мне кажется, я могу найти ему хорошее применение. Это пока только мысль, и там ведь в любом случае не помешает прибратся.

– Так вот, я здорово горжусь, когда вижу, как ты носишься по всей округе верхом на этой своей метле, – промолвил отец. – Это ведь магия, правда?

Все хотят, чтобы магия существовала на самом деле, подумала про себя Тиффани, и что на это скажешь? «Нет, магии не бывает»? Или: «Да, магия, но она не то, что ты думаешь»? Все хотят верить в то, что мы способны изменить мир, просто щёлкнув пальцами.

– Их делают гномы, – объяснила девушка. – Понятия не имею, как эти штуки работают. Весь фокус в том, чтобы на такой метле удержаться.

К тому времени лютая музыка уже стихла, возможно, потому, что дела для неё не нашлось, а возможно, потому – и, скорее всего, так оно и было, – что если лютые музыканты вернутся в пивную прямо сейчас, то, пожалуй, успеют хлебнуть ещё пивка до закрытия.

Господин Болен встал.

– Наверное, нужно отнести девочку в дом, так?

– Молодую женщину, – поправила Тиффани, склоняясь над спящей.

– Что?

– Молодую женщину, – повторила Тиффани. – Уж хоть это-то она заслужила. И я думаю, я сперва отвезу её в другое место. Ей требуется больше помощи, чем я в состоянии дать. Ты не мог бы раздобыть где-нибудь верёвку? У метлы, конечно, есть кожаный пристяжной ремень, но, боюсь, его недостаточно.

Сверху на сеновале что-то зашуршало, и девушка улыбнулась. Некоторые друзья, они такие надёжные.

Но господин Болен ушам своим не верил.

– Ты её забираешь?

– Недалеко. Так надо. Но послушай, ты не тревожься. Пусть мама застелет гостевую кровать, я скоро привезу Амбер обратно.

Отец понизил голос:

– Это всё они, верно? Они всё ещё ходят за тобой по пятам?

– Ну, сами они уверяют, что нет, но ты ж знаешь, что эти Нак-мак-Фигли – лгунишки те ещё!

День выдался долгий и не из лучших, иначе бы Тиффани сдержала резкие слова, но, как ни странно, сверху не донеслось ни звука, никто себя не выдал. И внезапно отсутствие Фиглей показалось Тиффани почти таким же огорчительным, как переизбыток.

Но тут, к вящей её радости, раздался тихий голосок:

– Ха-ха-ха, в этот раз она нас не застучала, так, ребя? Мы ж затихарились как мыхи! Мал-мала громазда карга ваще ничо не усекла! Ребя? Ребя?

– Туп Вулли, ей-же-ей, у тебя мозговьев не хватит, чтоб носяру сморкануть! Каковску куску в «шоб никто ни мал-мала словца ни сказанул» ты не бумс-бумс? Ох, раскудрить!

За последним восклицанием последовал шум потасовки.

Господин Болен опасливо вскинул глаза к крыше и придвинулся ближе.

– Видишь ли, твоя мама очень за тебя беспокоится. Ты ведь знаешь, она только что снова стала бабушкой. Она всеми ими ужасно гордится. И тобой тоже, конечно, – торопливо добавил он. – Но ведьминские дела, ну, это не совсем то, чего молодой человек ждёт от будущей жены. А теперь, когда ты и молодой Роланд...

Тиффани справилась и с этим. Умение справляться – это же часть ведьмовства. Отец глядел так горестно, что Тиффани с деланой бодростью промолвила:

– На твоём месте, пап, я бы пошла домой и хорошенько выспалась. Я всё улажу. Собственно, вот и моток верёвки, но теперь он мне, кажется, не понадобится.

Отец облегчённо выдохнул. Нак-мак-Фигли вызывают немалое беспокойство у тех, кто не знает их как следует, хотя, если подумать, даже если ты знаком с ними очень долго, они всё равно вызывают немалое беспокойство: войдя в твою жизнь, Фигли меняют её на «раз-два».

– И вы всё это время там сидели? – воззвала Тиффани, как только отец торопливо вышел за дверь.

В следующее мгновение вниз обрушился дождь из соломинок и Фиглей.

Злиться на Нак-мак-Фиглей – всё равно что злиться на погоду или кусок картона: дело бесполезное. Но Тиффани, тем не менее, попробовала: это уже вроде как вошло в привычку.

– Явор Заядло! Ты обещал за мной не шпионить!

Явор поднял руку.

– Лады, то-то и оно, точняк, но дык енто ж одно из не доразумениев, хозяйка, потому как мы ваще даже не шпиёнствовали, так, ребя?

Над толпой маленьких сине-красных фигурок, что заполонили собою весь пол, загремел дружный хор откровенного вранья и лжесвидетельств.

– Явор Заяadlo, ну почему ты продолжаешь врать, даже если тебя сцапали с поличным?

– А, ну, дыкс, это дело плёво, госпожа, – отвечал Явор Заяadlo, формально – глава клана Нак-мак-Фиглей. – Чё толку врать-то, ежели ты ничо дурственного не створил? Короче, я смертно поранен прям в потрох, слухая этаку клеветину на моё добро имище, – широко ухмыльнулся он. – Сколько ж раз я те врал?

– Семьсот пятьдесят три раза, – отозвалась Тиффани. – Всякий раз, когда обещал не вмешиваться в мои дела.

– Ах-ха, ну дыкс ты ж всё ишшо наша громазда мал-мала карга, – возразил Явор.

– Может, так, а может, и нет, – надменно отозвалась Тиффани, – но я уже куда более громазда и значительно меньше мал-мала, чем прежде.

– И куды больше карга, – радостно подхватил чей-то голос. Тиффани и приглядываться не понадобилось, чтобы понять, чей он. Только Туп Вулли мог вот так сесть в лужу по самые уши. Девушка поглядела сверху вниз на его сияющую физиономию. И ведь он вообще никогда не понимает, что делает не так.

Карга! Звучит не слишком-то лестно, но для Фиглей любая ведьма – карга, сколько бы лет ей ни было. Они ничего такого не имели в виду – ну, то есть, наверное, не имели, с Фиглями никогда не знаешь наверняка, – а Явор Заяadlo порою произносил это слово с ухмылкой. Но ведь это не их вина, что для любого, в ком не шесть дюймов[11 - 1 дюйм равен 2,54 сантиметра. (Прим. ред.)] росту, оно означает страхолюдину, которая причёсывается граблями, а зубы у неё хуже, чем у старой овцы. Если тебя называют каргой в девять лет – это по-своему забавно. А вот когда тебе почти шестнадцать, и день выдался тяжёлый, а поспать почти не удалось, и очень, очень не помешало бы помыться, оно не то чтобы смешно.

Явор Заяadlo явно это заметил: он обернулся к брату и рявкнул:

– Ты памятуешь, о брат мой, что бывает такой рядь, когда тебе лучше б голову в утятин зад всунуть, чем рот раззявливать?

– Звиняй, Явор. Я тут утятин не узырил.

Глава клана Фиглей опустил взгляд на Амбер, мирно спящую на полу под одеялом, и внезапно серьёзности в мире поприбавилось.

– Будь мы тут, когда ремень в дело пошёл, гад бы свету не взвидел, точнякс, – заверил Явор Заядло.

– Значит, повезло, что вас здесь не оказалось, – нахмурилась Тиффани. – Вы что, хотите, чтобы к вашему кургану заявились люди с лопатами, а? Держитесь от верзунов подальше, вы меня слышите? Вы их нервируете. А когда люди нервничают, они злятся. Но раз уж вы всё равно здесь, можете причинить пользу. Мне нужно отвезти эту бедняжку к кургану.

– Ах-ха, мы смекаем, – отвечал Явор. – Разве ж не сама кельда нас сюда к тебе спослала?

– То есть она об этом знала? Джинни знала об этом?

– Я ни бум-бум, – опасливо отвечал Явор. Говоря о жене, он всегда чувствовал себя беспокойно. Он без памяти любил Джинни, и при одной только мысли о том, что она глянет на него хмуро, колени Явора превращались в желе. Жизнь всех прочих Фиглей сводилась главным образом к дракам, воровству и выпивке, ну и вдобавок ещё приходилось, скажем, добывать еду (её они по большей части тоже воровали) или заниматься стиркой (чего они по большей части не делали). А вот Явор Заядло, как муж кельды, должен был ещё и выдавать Объясняться, а это для Фигля работёнка не из лёгких.

– Вестимо, кельде всё ведомо, – пробормотал Явор, не глядя на Тиффани. Девушке вдруг стало его жаль: наверняка лучше оказаться между молотом и наковальней, чем между кельдой и каргой, размышляла она.

Глава 3. Чей сон потревожен?

Луна поднялась уже высоко и превратила мир в чётко расчерченную чёрно-серебряную мозаичную картинку. Тиффани и Фигли держали курс на холмы. Нак-мак-Фигли умели двигаться абсолютно беззвучно, если хотели; Тиффани уже случалось перемещаться с их помощью, и всякий раз путешествие было комфортным и даже не лишённым приятности, особенно если за последние пару месяцев им случалось помыться.

Любому пастуху с холмов наверняка хотя бы раз доводилось видеть курган Фиглей. Но никто и никогда о нём не говорил. Есть вещи, о которых лучше не упоминать, например о том, что поблизости от кургана ягнят пропадало куда меньше, чем в более отдалённых областях Мела, однако ж, с другой стороны, там частенько исчезала овца-другая – либо совсем слабые ягнята, либо очень старые матки (Фигли ценили жилистую баранину, которую можно пережёвывать часами). Стада охранялись, и стражи взимали свою плату. Кроме того, совсем неподалёку от кургана находились останки пастушьей кибитки матушки Болей, а эта земля считалась едва ли не священной.

Приблизившись, Тиффани почуяла дым, что просачивался сквозь заросли терновника. Спасибо и на том, что теперь ей не приходится протискиваться внутрь сквозь узкую нору: это забавно, когда тебе девять, но когда тебе почти шестнадцать, то страдают и достоинство, и хорошее платье, и, хотя сама Тиффани этого признавать не хотела, лаз стал ей слишком тесен.

Но вместе с кельдой Джинни в курган пришли перемены. Неподалёку находился заброшенный меловой карьер; к нему вёл подземный туннель. Кельда поручила Фиглям укрепить его с помощью кусков кровельного железа и просмолённой парусины: их Фигли «нашли» тем же оригинальным способом, каким «находили» всё прочее. Он по-прежнему выглядел как самый обыкновенный меловой карьер в холмах, ведь над ним так густо сплетались ежевика, ползучий генри и плетистая бетти, что даже мышь внутрь не прошмыгнула бы. А вот вода туда просачивалась, стекала по железному желобу и заполняла подставленные внизу бочки; кухню значительно расширили, и даже Тиффани могла свободно пробраться внутрь, если не забывала заранее прокричать своё имя, тогда невидимые руки дёргали за верёвочки – и, словно по волшебству, в непролазных зарослях открывался проход. Здесь, внизу, у кельды была своя личная ванная;

сами Фигли мылись только по особым случаям, например при лунном затмении.

Амбер тут же утащили в нору, а Тиффани нетерпеливо ждала у нужного места в зарослях ежевики, пока колючие ветки волшебным образом не расступились.

Кельда Джинни, кругленькая, как футбольный мяч, встретила её, держа под мышкой по младенцу.

– Я очень рада тебя видеть, Тиффани, – произнесла она, и почему-то это прозвучало и чудно, и неуместно. – Я наказала парням сгулять наружу проветриться, – продолжала кельда. – Это женское дело, и не из приятных, ты, верно, согласишься. Её устроили у огня, и я уж начала налагать на неё утешания. Думаю, она поправится в лучшем виде; ты нынче ночью отлично поработала. Эта ваша прославленная госпожа Ветровоск и то бы лучше не справилась.

– Она научила меня забирать боль, – промолвила Тиффани.

– Да что ты гришь? – Кельда посмотрела на Тиффани как-то странно. – Надеюсь, тебе никогда не придётся пожалеть о том дне, когда она оказала тебе эту... любезность.

В этот миг в туннеле, выводящем в главный холм, появилось несколько Фиглей. Они смущённо переводили взгляд со своей кельды на свою каргу, и, наконец, Фигль-глашатай очень неохотно выговорил:

– Не хочется встрять али там помешавать, дамсы, но мы тут состряпали мал-мала ужинную пожраксу, и Явор grit поспрошать громазду мал-малу каргу, как насчёт понямать мал-мал вкуснявый кус?

Тиффани принялась. В воздухе разливался узнаваемый запах – тот самый, что обычно возникает, если баранина приходит в тесное соприкосновение с, например, жаровней. «Ладно, – подумала девушка, – мы все знаем, что они это делают, но делать это у меня на глазах по меньшей мере бестактно!»

Фигль-глашатай, должно быть, тоже это понял, потому что, лихорадочно выкручивая край килта обеими руками, как обычно делают Фигли, когда

вдохновенно врут, пояснил:

– Ну дыкс, кажись, я чой-то такое слышал, будто одна такая буранина вроде как по нечаянности свалилась прям на разогретую жаровню, мы её, понятно дело, кинулись спасануть, но бураны, они ж туп-туп – она запаниковалась и ну отбрыксиваться. – На этом месте рассказчик выдохнул с явным облегчением, состряпав какое-никакое оправдание, и устремился к новым высотам художественного вымысла: – Мне думается, буранина была свици-дальняя, ей же каждый день делать неча было, окромя как траву нямать.

Фигль с надеждой воззрился на Тиффани, проверяя, сработало ли; но тут вмешалась кельда:

– Мал Речист Джок, а ну ступай внутрь скажи, что мал-мала громазда карга не откажется от сандвича с бараниной, да? – Она вскинула глаза на Тиффани. – Не спорь, девочка моя. Как я гляжу, ты с ног валишься, если не поешь горячего, тебе кирдыкс. Я смекаю, что ведьмы заботятся обо всех, кроме себя. Бегмя бегите, ребя!

Тиффани всё ещё ощущала в воздухе некоторую напряжённость. Джинни по-прежнему глядела на неё очень серьезно... а потом спросила:

– Ты помнишь, что было вчера?

Вопрос прозвучал глупо, но Джинни отнюдь не была глупа. Так что над её словами стоило задуматься, хотя Тиффани прямо изголодалась по куску суицидальной баранины, и по возможности наконец выпасться.

– Вчера – сдаётся мне, теперь это уже позавчера – меня позвали в Пряжку-Наружу, – задумчиво вспоминала она. – Тамошний кузнец недоглядел за горном, горн открылся, и раскалённые угли высыпались ему на ногу. Я его полечила, забрала боль и слила её в наковальню. За всё это мне заплатили двадцать четыре фунта[12 - 1 фунт равен примерно 0,45 кг. (Прим... ред.)] картошки, три выделанные оленье кожи, полведра гвоздей, одну старую, но годную на перевязки простыню и баночку ежового жира: кузнецова жена уверяла, что это отличное средство от воспаления дыхательных путей. А ещё я досыта поела жаркого за общим столом. Потом, раз уж я оказалась по соседству, я побывала в Многопряжке и разобралась с небольшой неприятностью господина Гауэра. В

разговоре с ним я упомянула ежевый жир, а он сказал, что это замечательное снадобье для кое-чего неназываемого, и обменял баночку на целый окорок. Госпожа Гауэр угостила меня чаем и разрешила набрать полную корзину девицы-в-рассоле: в её саду эти цветы растут гуще, чем где бы то ни было. – Тиффани на мгновение умолкла. – Ах да, и ещё я заглянула в Ума-Тупик, сменить припарку, а потом навестила барона, ну а потом, понятное дело, остаток дня был в полном моём распоряжении, ха! Но в целом денёк выдался не из худших; люди были слишком заняты, предвкушая ярмарку.

– Среди прочих дней минул и этот, – промолвила кельда, – и, без сомнения, день был и хлопотный, и полезный. Но весь день меня одолевали предчувствия касательно тебя, Тиффани Болен. – Тиффани попыталась возразить, но Джинни предостерегающе подняла миниатюрную орехово-коричневую ручку и продолжила: – Тиффани, тебе, конечно, ведомо, что я за тобой приглядываю. Ты – карга холмов, в конце-то концов, и в моей власти следить за тобою внутри своей головы и не выпускать из виду, потому что кто-то должен это делать. Я знаю, что ты это знаешь, потому что ума тебе не занимать; и я знаю, что ты передо мной притворяешься, будто не знаешь, что я знаю; и я не сомневаюсь, что об этом ты тоже знаешь, так?

– Мне, пожалуй, стоит расписать это всё карандашом по бумаге, – предположила Тиффани, пытаясь свести дело к шутке.

– Не смешно то! Твой образ в моей голове затуманен. Вкруг тебя опасность. А хуже всего, что не видать мне, откуда она идёт. Так быть не должно!

Но не успела Тиффани и рта раскрыть, как с полдюжины Фиглей стремглав пронеслись по туннелю из глубины холма, все вместе таща одну тарелку. Тиффани произвольно отметила – ведь ведьмы всегда подмечают то, что могут, – что синий узор по краю тарелки очень напоминает второй лучший сервиз её матери. Остальную часть тарелки закрывал здоровенный кусок баранины с картофелинами в мундире. Пахло это всё божественно, и желудок взял верх над разумом. Ведьма ест там, где удаётся разжиться едой, и радуется, когда что-то да перепало.

Мясо разрезали пополам, хотя половина для кельды оказалась самую малость поменьше, чем половина для Тиффани. Строго говоря, не бывает одной половины меньше, чем вторая, потому что тогда это будет уже не половина, но люди понимают, о чём речь. А у любой кельды аппетит для своего роста всегда

преотменный, ведь ей же надо малышей делать.

Как бы то ни было, всем стало не до разговоров. Какой-то Фигль протянул Тиффани нож – собственно, фигльский клеймор[13 - Клеймор (от гэльского claidheamh-mòr – «большой меч») – особый вид двуручного меча шотландских горцев, с длинной рукоятью (около 30–35 см), широким клинком (около 110 см) и весом около 2,5 кг. Выглядит клеймор очень эффектно: клинки дужки крестовины у него – прямые, направлены от рукояти к концу клинка, сужаются к концам и на концах украшены стилизованным изображением четырёхлистного клевера. Клеймору использовались начиная с позднего Средневековья (с конца XIV в.) в клановых войнах и пограничных стычках с Англией, были особенно популярны в XVI в. и оставались в употреблении вплоть до конца XVII в. После Акта об унии 1707 года, когда шотландские и английские полки были объединены, клеймору воспринимались как знаки отличия шотландских офицеров и как примета исторического Хайленда. Само английское слово «клеймор» (claymore) впервые вошло в употребление в конце XVIII в. и использовалось в романтической поэзии (особенно в Викторианскую эпоху) для воссоздания шотландского колорита: например, у Роберта Бёрнса, и у Альфреда Теннисона, и, конечно же, у Вильяма Топаза Макгонагалла. Как национальное оружие шотландских горцев, клеймор, наряду с килтом, стал своего рода символом шотландского героического характера. Так, клейморами сражаются герои фильма «Горец», что способствовало популярности этих мечей в наши дни. Неудивительно, что Нак-мак-Фигли, воплотившие в себе все стереотипные черты шотландского характера и шотландской внешности, доведённые до гротеска, вооружены не чем иным, как клейморами.], – а затем подал замызганную жестянку с воткнутой в неё ложкой.

– Соус? – застенчиво предложил он.

Для фиглевской трапезы это было даже уж чересчур шикарно, хотя Джинни, конечно, понемногу приобщала своих подданных к благам цивилизации, насколько возможно цивилизовать Фиглей. По крайней мере, внушала им правильные мысли. Тем не менее Тиффани знала их как облупленных и потому насторожилась.

– А из чего он? – спросила она, понимая, что вопрос это опасный.

– О, всякие вкуснявости, – заверил Фигль, погромыхая ложкой в жестянке. – Яблочко-кислица есть, и горчишное семя, и хрен, и улины, и дикие травы, и

чесночина, и щепоть выскочки зелёной... – Одно из этих слов он произнёс уж больно невнятно, и Тиффани это не понравилось.

– Улитки? – перебила она.

– Ах-ха, точнякс, оченно питательные, сплошь витаминство и минеральство, и ишшо мал-мала протеинства, а самая клёвость в том, что ежели сыпануть побольше чесночины, так на вкус точь-в-точь чесночина.

– А каковы они на вкус, если не добавлять чеснока? – спросила Тиффани.

– Как улитки, – объяснила кельда, сжавшись над официантом. – И должна отметить, что еда эта отменная, девочка моя. Парни ночами выпускают их погостить на дикой капусте и пёсьем салате. Они очень даже вкусны, и, сдаётся мне, ты одобришь то, что здесь обошлось без воровства.

«Что ж, отрадно слышать», – признала про себя Тиффани. Фигли и впрямь весело и не покладая рук воровали, тащили и тибрили всё, что плохо лежит, – в том числе и просто из спортивного интереса. С другой стороны, к нужным людям, в нужном месте и в нужное время они умели проявлять редкое великодушие, что, по счастью, как раз сейчас и происходило.

– Чтоб Фигли – и вдруг фермерствовали? – удивилась Тиффани вслух.

– Ох нет, ишшо чего, – запротестовал Фигль-глашатай, в то время как сородичи за его спиной изображали оскорблённое отвращение – звуками «фу», «бюз» и засовыванием двух пальцев в рот. – Это наэ фермерствование, это гуртование стадов, как оно и пристало тем, хто свободен духом и любит, шоб килт по ветру реял. Они ж, улиты, шоб ты знала, как ломанутся, дык мало не покажется.

– Попробуй малость, ну, пожалуйста, – взмолилась кельда. – Ребятам приятно будет.

На самом деле новая фиглевская кухня оказалась очень даже вкусной. Возможно, подумала Тиффани, они правы, уверяя, что с чесноком что угодно съестся. Кроме горчицы.

– Ты на моих парней не заморачивайся, – промолвила Джинни, когда обе наелись досыта. – Времена меняются, и, сдаётся мне, они это знают. И с тобой то ж самое. Ты как себя чувствуешь?

– Ну ты знаешь, как обычно. Устала, расстроена, переволновалась. Всё в таком духе.

– Ты слишком много работаешь, девочка. Мне сдаётся, ты недоедаешь, и я вижу ясно, недосыпаешь ты точно. Когда ты в последний раз спала в нормальной постели, хотелось бы мне знать? А ведь сон тебе ой как нужен; у тебя голова не варит, если не отдохнуть мал-малость. И боюсь я, тебе вскорости потребуется вся твоя сила, сколько есть. Хочешь, я и на тебя наложу утешания?

Тиффани снова зевнула.

– Спасибо, что предложила, Джинни, но сдаётся, они мне ни к чему, не в обиду будь сказано. – В углу грудой валялись грязные овечьи шкуры, что, по-видимому, не так давно принадлежали суицидальным овцам, решившим сказать «прощай» жестокому миру и свести счёты с жизнью. Смотрелись они на диво заманчиво. – Пойду гляну, как там Амбер. – Но ноги Тиффани напрочь отказывались нести её куда бы то ни было. – Впрочем, наверное, в холме Фиглей она в такой же безопасности, как и дома...

– О, наэ, – мягко отозвалась Джинни, едва глаза Тиффани закрылись. – В большей, куда в большей безопасности.

Когда Тиффани уже посапывала, Джинни неспешно вернулась в курган. Амбер свернулась в клубочек у огня, а Явор Заядло расставил вокруг неё Фиглей постарше и помудрее. А всё потому, что уже вовсю кипела вечерняя драка. Нак-мак-Фигли дрались так же часто, как дышали, причём, как правило, делали это одновременно. Это был своеобразный образ жизни такой, ну, некоторым образом. Кроме того, если росту в тебе всего-то навсего несколько дюймов, то драться приходится с целым миром, так что чем раньше начнёшь, тем лучше.

Джинни присела рядом с мужем и некоторое время следила за буянами. Юные Фигли мячиками отскакивали от стен, от дядьёв и друг от друга. Наконец она промолвила:

– Явор, как мыслишь, мы правильно воспитываем наших ребятишек?

Явор Заядло, чуткий к Джинниному настрою, оглянулся на спящую девушку.

– Ах-ха, ишшо бы, точнякс... Эгей, ты это узырила? Мал-мал-помалее-чем-мал-Джок Джок пнул Тупа Вулли прям в фишку! Хорошенный грязный дракс, а в мальце всегой-то три дюйму!

– Однажды он станет великим воином, Явор, это, как пить дать, – подтвердила Джинни, – но...

– А я им завсегда грю, – возбуждённо продолжал Явор Заядло, глядя, как юные Фигли перелетают через головы друг дружки, – если хошь успехнуться, так насыпайся только на тех, кто тебя здорово погромоздее! Важнецкое правилице!

Джинни вздохнула: очередной юный Фигль впечатался в стенку, помотал головой и ринулся обратно в битву. Повредить Фиглю практически невозможно. Верзун, попытавшийся наступить на Фигля, с неизбежностью обнаруживал, что малявка, только что вроде бы расплющенная под подошвой, уже карабкается вверх по его штанине, – и после этого день переставал быть томным. Кроме того, если вы углядели одного Фигля, так вокруг, скорее всего, ещё много тех, которых вы не заметили, зато они наверняка заметили вас.

Надо думать, у верзунов проблемы покрупнее, потому что сами они крупнее нас, подумала кельда. И вздохнула про себя. Мужу она в этом ни за что не признается, но порою Джинни размышляла: а может, юному Фиглю-другому стоило бы с пользой для себя изучить что-нибудь вроде, ну, счетоводства. Что-нибудь такое, где не нужно постоянно драться и рикошетиловать от стен. Но тогда останется ли маленький Фигль – Фиглем?

– Страшусь я за мал-громозду каргу, Явор, – промолвила Джинни. – Нелады творятся.

– Она сама хотела стать каргой, девчура моя, – отозвался Явор. – А теперь ей противу судьбины ходу нету, как и нам. Ты ж бум-бум, она дракс что надо. Она так Зимовея чмокс, что ему кирдыкс; она эльфийскую Кральку сковородской ушандарахнула. И памятую я тот радь, когда ей в балду незыримая тварюка залазила, и карга её заборолла и выперла. Она дракс-дракс умеет.

– О, эт мне ведомо, – отозвалась кельда. – Она поцеловала зиму – и вернула весну. То и впрямь было великое деянье, но тады она облеклась в плащ лета. Эту силу она на него и обрушила, не только свою. Она хорошо справилась, это так, никого не знаю я, кто справился бы лучше, но ей надо стеречься.

– Да что ж енто за вражина такой, шоб мы заедино с нею ему люлей не навешали? – удивился Явор.

– Того не ведаю, – промолвила кельда, – но мне вот как мнится. Когда она поцеловала владыку зимы, меня пробрало насквозь; сдаётся, мир тоже здорово трянуло, и не диво мне, коли что ещё и пробудилось от сна. Ты, Явор, гляди призывай за ней в оба глазья.

Глава 4. Настоящий шиллинг[14 - Шиллинг практически всегда отличался высоким содержанием серебра (при Елизавете I шиллинг весил 6,22 г и содержал 5,75 г серебра); в XIX в. шиллинг весил 5,655 г и содержал 5,23 г серебра) и потому ассоциируется со стабильностью экономики и процветанием государства (в периоды экономического спада шиллинг не чеканили). В 1966 году Великобритания перешла на десятичную монетную систему, и регулярная чеканка шиллингов прекратилась. Пратчетт ностальгирует по прежней, двенадцатеричной денежной системе, которую успел застать, в послесловии к роману «Финт»: «...Были монеты бронзовые, самых разных размеров и самого низкого номинала; были монеты серебряные, как вы, вероятно, догадались, занимающие в финансовом плане промежуточное положение, и, наконец, ну, золотые, – а во времена Финта они действительно чеканились из золота, не то что нынешние, бу-бу-бу, в наши дни всё не так. Но, по правде говоря, прежние деньги обладали какой-то осязаемой подлинностью, не то что современные пенсы, помоги нам Господь; нет в них былой живости». По-видимому, для Пратчетта (а также и для барона) «настоящий шиллинг» символизирует нечто подлинное, настоящее, надёжное – в отличие от современных денежных знаков.]

Тиффани проснулась голодная и услышала смех. Амбер не спала и, вопреки всем ожиданиям, была счастлива.

Частично протиснувшись в узкий туннель, уводящий внутрь холма, Тиффани поняла почему. Девушка всё ещё лежала на боку, свернувшись в клубочек, но её развлекала орава юных Фиглей: они кувыркались, ходили колесом и время от времени шутливо дубасили друг друга.

Смех казался ещё моложе, чем сама Амбер; так хохочет младенец при виде блестящих, разноцветных игрушек. Тиффани понятия не имела, как работают утешания, но они лучше всех ведьминых средств, вместе взятых. Они помогают людям прийти в себя и исцеляют изнутри головы наружу. Они позволяют выздороветь, а главное, позволяют забыть. Порою Тиффани казалось, что кельда говорит про утешания так, словно они живут своей жизнью – быть может, это ожившие мысли или добрые существа, которые каким-то образом забирают и уносят всё плохое.

– Ей получшало, – сообщила кельда, появляясь словно из ниоткуда. – Она поправится. Когда выйдет наружу тьма, начнутся кошмары, утешания ведь не всесильны. Но она уже приходит в себя, начало положено, а это главное.

Было ещё темно, но рассвет уже обозначился каймою на горизонте. А до наступления дня Тиффани предстояло покончить с одним грязным делом.

– Можно, я ненадолго оставлю её тут у вас? – попросила она. – Мне нужно кое-что закончить.

«Не следовало мне засыпать, – думала девушка, выбираясь из мелового карьера. – Надо было сразу возвращаться! Как я могла бросить там бедного малыша!»

Тиффани принялась выпутывать метлу из кустов вокруг холма и вдруг замерла неподвижно. Она затылком чувствовала: за ней наблюдают. Девушка резко обернулась и увидела старуху в чёрном, высокую и статную, но с клюкой в руках. На глазах у Тиффани старуха медленно растаяла, словно слившись с пейзажем.

– Госпожа Ветровоск? – возвала Тиффани в пространство. Но это же глупо – матушка Ветровоск ни за что не воспользовалась бы тростью. Краем глаза

Тиффани заметила какое-то движение. А когда снова крутнулась на месте, то увидела зайчиху[15 - Неважно, какого заяц пола на самом деле; для урождённого сельского жителя все они – зайчихи.] – присев на задние лапы, так как ни в чём не бывало разглядывала девушку с интересом и без малейшего страха.

Ну да, зайцы – они такие. Фигли на них не охотились, а обыкновенная овчарка из сил выбьется раньше, чем заяц хотя бы запыхается. Заяц не роет тесную нору, где его можно запереть как в ловушке; заяц живёт скоростью – проносится через поле, точно грёза о ветре – и уж, конечно, может себе позволить посидеть и понаблюдать за неспешным движением мира.

А эта зайчиха запылала пламенем. На мгновение ослепительно вспыхнула, а затем, целая и невредимая, метнулась прочь и скрылась с глаз.

«Ну хорошо, – размышляла Тиффани, высвободив ручку метлы, – посмотрим на дело с точки зрения здравого смысла. Земля не обожжена, а зайцы обычно огнём не вспыхивают, так что...» Тиффани замешкалась: в памяти распахнулась крохотная дверца.

Зайчиха бежит в огонь.

Она где-то это прочла? Услышала в какой-то песенке? В детской считалке? При чём тут вообще заяц? Но она – ведьма, и у неё есть обязанности. А таинственные знамения могут и подождать. Ведьмам отлично известно: таинственные знамения – они повсюду. Мир прямо-таки тонет в таинственных знамениях. Нужно просто выбрать то, которое тебе подходит.

Тиффани стремительно неслась по воздуху над спящей деревней; летучие мыши и совы спешно от неё уворачивались. Дом семьи Пенни стоял на окраине. Был при нём и огород. При всех деревенских домах были огороды. По большей части там росли овощи или, если верх брала жена, то поровну – овощи и цветы. Дом Пенни выходил на четверть акра[16 - Акр = 0.4 гектара. (Прим. перев.)] жгучей крапивы.

Это всегда раздражало Тиффани до самых подошв её деревенских башмаков. Так ли трудно выкопать сорняки и посадить немного картошки? Всего-то и нужно, что навоз, а уж этого добра в деревне, где разводят скот, полным-полно;

тут главное – в дом его не натащить. Господин Пенни мог бы приложить хоть малую толику усилий.

Он, похоже, возвращался в сарай, а если не он, то кто-то другой. Мёртвый младенец теперь лежал на куче соломы. Тиффани загодя припасла немного старого, но годного полотна, что уж всяко лучше, чем солома и мешковина. Но кто-то потревожил крохотное тельце и разложил вокруг него цветы – ну ладно, крапиву. А ещё зажёл свечку в оловянном подсвечнике: такие в каждом доме водятся. Подсвечник. Огонёк. На охапке соломы. В сарае, полном сухой соломы и сена. Тиффани в ужасе глядела на свечу – и тут где-то над головой послышался хрип.

На балке висел человек.

Балка поскрипывала. Медленно оседало облачко пыли и соломенной сечки. Тиффани быстро подставила ладонь и выхватила свечу прежде, чем сверху снова посыплется мякина – и весь сарай вспыхнет пламенем. Она уже собиралась задуть огонёк, как вдруг осознала, что тогда останется в полной темноте наедине с мерно раскачивающимся телом – очень может быть, что и мёртвым. Девушка аккуратно переставила свечу к двери и пошарила вокруг в поисках чего-нибудь острого. Но это был сарай господина Пенни, и всё, что ни возьми, здесь давно затупилось, кроме пилы.

Наверняка это он там висит! Кому же ещё там быть, как не ему?

– Господин Пенни? – позвала Тиффани, вскарабкавшись на пыльную балку.

Послышался не то всхрап, не то всхлип. К добру ли?

Тиффани как-то умудрилась зацепиться ногой за балку, высвободив одну руку, и взялась за пилу. Проблема в том, что ей не помешали бы ещё две руки. Верёвка крепко обвилась вокруг шеи, а тупые зубья пилы просто скользили по ней, ещё сильнее раскачивая тело. А этот дурень ещё и дёргаться начал, так что верёвка не только качалась, но и закручивалась. Ещё минута – и она, Тиффани, сорвётся вниз.

Воздух всколыхнулся, сверкнуло железо, и Пенни камнем рухнул на пол. Тиффани удержалась ровно настолько, чтобы успеть ухватиться за пыльную

балку и не то сползти, не то соскользнуть следом за ним.

Она затеребила ногтями верёвку, затянутую вокруг шеи, но та была тугой, как натянутый барабан... и тут полагалось бы зазвучать фанфарам, потому что словно из ниоткуда перед ней возник Явор Заядло. Он воздел крохотный блестящий клеймор и вопросительно воззрился на девушку.

Тиффани мысленно застонала. Да на что ты вообще годишься, господин Пенни? Чего хорошего ты сделал? Ты даже повеситься как следует не можешь. Какая с тебя польза? Не окажу ли я услугу миру и тебе, позволив завершиться тому, что ты начал?

С мыслями оно всегда так. Мысли думаются сами, а потом просачиваются тебе в голову, надеясь, что и ты тоже будешь так думать. Такие мысли нужно прихлопывать сразу; а то они подчинят ведьму себе, только дай им волю. И тогда всё пойдёт прахом и не останется ничего, кроме мерзкого хихиканья.

Говорят, чтоб понять другого, надо пройти милю в его башмаках; для Тиффани это звучало изрядной бессмыслицей, – ведь после того, как ты прошёл милю в чужих башмаках, ты, скорее всего, поймёшь одно: за тобой гонятся и обвиняют в краже обуви; с другой стороны, ты почти наверняка сумеешь убежать, ведь преследователь-то босиком! Нет, на самом деле Тиффани отлично понимала, что значит это присловье; а перед ней распростёрся человек, жизнь которого висела на волоске. У неё не было, просто не было выбора. Нельзя обрывать этот волосок – надо дать бедолаге шанс ради букетика крапивы; ведь где-то внутри этой жалкой туши ещё сохранилась малая толика добра. Крохотная искорка, но она есть. И спорить тут не о чем.

В глубине души ненавидя себя за слюнтяйство, Тиффани кивнула Большому Человеку клана Фиглей.

– Ладно, только его не порань.

Лезвие сверкнуло в воздухе и резануло с хирургической точностью, хотя настоящий хирург сперва вымыл бы руки.

Верёвка распалась надвое под острым клинком и змеей скользнула на пол. Пенни задышал так жадно, что пламя свечи у двери на миг словно

расплющилось.

Тиффани встала с коленей и отряхнулась.

– Вы зачем вернулись? – осведомилась она. – Что вы искали? И что надеялись найти?

Господин Пенни лежал на полу, хватая ртом воздух. Он даже не заворчал в ответ. Трудно было ненавидеть его сейчас – жалкого, беспомощного.

Ведьме то и дело приходится делать выбор – зачастую такой, который обыкновенные люди делать не хотят, о котором они предпочли бы вообще не знать. Тиффани обтёрла лицо господина Пенни обрывком тряпицы, смочив её под струей воды из насоса снаружи, и завернула мёртвого младенца в полотнище более широкое и чистое, припасенное именно с этой целью. Не лучший из саванов, но вполне приличный. Словно в полусне Тиффани напомнила себе, что надо бы пополнить запасы подручного перевязочного материала, и с запозданием осознала, сколь многим обязана нежданному помощнику.

– Спасибо тебе, Явор, – поблагодарила она. – Думаю, сама бы я не справилась.

– Небось справилась бы, – возразил Явор Заяadlo, хотя оба знали, что нет. – Просто так уж вышло, что я шлындраю мимо, агась, и вовсе за тобой не хвостился. Это, как их там, совпадение такое.

– В последнее время совпадения отчего-то участились, – не удержалась Тиффани.

– Ах-ха, – ухмыльнулся Явор. – Вот те ещё одно совпадение.

Смутить Фигля невозможно. Смущение у них просто в голове не укладывается.

Явор не сводил с неё глаз.

– А таперича чё?

Хороший вопрос, ничего не скажешь. Ведьма должна уметь убедить всех, будто она знает, что делать, даже если это не так. Пенни выживет, а бедное дитя к жизни уже не вернёшь.

– Я обо всём позабочусь, – заверила она. – Это наша работа.

«Вот только нет никаких “мы”, есть только я, – думала Тиффани, летя сквозь утренние туманы к цветнику. – Ах, если бы, если бы рядом был хоть кто-нибудь...»

В ореховой рощице на полянке с ранней весны до поздней осени цвели цветы. Таволга, и наперстянка, и львиный зад, и козлоподхвостник, и дамские чепчики, и трёхцветный чарлик, и сальвия, и полынь, и розовый тысячелистник, и подмаренник, и калужницы, и примулы, и два вида орхидей.

Именно здесь похоронили старуху, которую называли ведьмой. Если знать, куда смотреть, то среди всей этой зелени удавалось разглядеть то небольшое, что осталось от её хижины, а если и впрямь знать, куда смотреть, то и могилу. А если хорошо знать, куда смотреть, то отыщется и место, где Тиффани похоронила старухину кошку: здесь росла кошачья мята.

Некогда лютая музыка пришла за старухой и её кошкой, о да, ещё как пришла, и люди, поспешившие на барабанный бой, выволокли старуху в снег, и обрушили ветхую лачугу, и сожгли её книги, потому что в них были картинки со звёздами.

А всё почему? Потому что пропал сын барона, а у госпожи Клацли не осталось ни семьи, ни зубов, и, если совсем честно, она самую малость подхихикивала. Так что все решили, что она ведьма, а жители Мела ведьмам не доверяли, и её вышвырнули в снег, и огонь пожрал соломенную кровлю хижины, страницы со звёздами, одна за другой, потрескивая, сминались и улетали в ночное небо, а старую кошку до смерти забили камнями. Той же зимой старуха умерла в снегу – она напрасно стучалась во все двери, ей так и не открыли, и поскольку надо же было где-то её похоронить, на месте хижины вырыли неглубокую могилу.

Но на самом-то деле старуха никакого отношения не имела к пропаже баронского сына, так? Ведь вскоре после того Тиффани отправилась в неведомую Волшебную страну, чтобы его вернуть, не правда ли? И теперь о

старухе не вспоминали ни словом, верно? Но летом, когда люди проходили мимо этого места, цветы радовали взгляд, а пчёлы расцвечивали воздух медовыми красками.

Об этом не говорили. В конце концов, что тут скажешь? Что на могиле старухи расцветают диковинные цветы, а там, где девочка Болен похоронила кошку, кустится кошачья мята? Это прямо загадка, а может, даже и приговор, хотя чей приговор, и кому, и за что, и почему, лучше даже не задумываться и уж тем более не обсуждать. И, тем не менее, над останками предполагаемой ведьмы растут прекрасные цветы – как это возможно?

Тиффани таких вопросов не задавала. Семена стоили дорого, и лететь за ними пришлось неблизко, аж в Дверубахи, но она поклялась себе, что каждое лето яркая полянка в лесу будет напоминать людям о старухе, которую они затравили до смерти и похоронили здесь. Девушка не вполне понимала, почему это для неё настолько важно, но всем своим существом чувствовала: так надо.

Выкопав глубокую, безотрадную ямку в зарослях любиспеха, Тиффани огляделась по сторонам, не подглядывает ли за нею какой-нибудь прохожий, ранняя пташка, и обеими руками засыпала могилу землёй, раздвигая сухие листья и пересаживая позабудки. Вообще-то позабудки здесь не то чтобы уместны, но они быстро разрастаются, а это важно, потому что... кто-то за ней наблюдает. Главное – не оборачиваться. Тиффани знала: увидеть её невозможно. На памяти девушки только одному-единственному человеку удалось превзойти её в умении оставаться невидимой – и это была матушка Ветровоск. Да и туман ещё не развеялся, и шаги на тропе она бы непременно услышала. И это не зверь и не птица. Звери и птицы ощущаются совсем иначе.

Ведьме нет необходимости оглядываться, она ведь и без того всегда знает, кто стоит у неё за спиной. Обычно Тиффани с лёгкостью распознавала чужое присутствие, но сейчас все чувства до единого подсказывали ей, что тут нет никого, кроме Тиффани Болен, и отчего-то странным, непостижимым образом это ощущение казалось ошибкой.

– Слишком много работы и вечный недосып, – вслух произнесла она, и еле слышный голос вроде бы подтвердил: «Да». Словно эхо, вот только отражаться ему не от чего. Тиффани полетела прочь так быстро, как только позволяла метла, то есть на самом деле довольно медленно. Что ж, по крайней мере, бегством это не выглядело, и на том спасибо.

Уж не спятила ли она? Ведьмы об этом почти не говорят, но они постоянно настороже.

Спятить или, точнее, не спятить, это ж душа и сердце ведьмовства; и вот как всё устроено. Спустя какое-то время ведьма, которая, по-ведьминскому обыкновению, почти всегда работает в одиночестве, почти неизбежно начинает... вести себя странно. Разумеется, многое зависит от того, сколько прошло времени и насколько ведьма сильна духом, но рано или поздно она перестаёт различать, что правильно и что нет, что хорошо и что плохо, и правду, и последствия. А это ведь очень опасно. Так что ведьмам приходится поддерживать друг друга в состоянии нормальности – ну, по крайней мере, в том, что считается нормальным для ведьмы. Многого тут не требовалось: посидеть за чаем, попеть песни, прогуляться по лесу, и всё более-менее налаживалось, и ведьма могла спокойно разглядывать объявления о пряничных домиках в рекламном каталоге строительного подрядчика и не вносить немедленно залог.

Теперь в придачу ко всему прочему Тиффани тревожилась за свой рассудок. Она вот уже два месяца как не летала в горы и три месяца как не виделась с мисс Тик, единственной ведьмой, которая появлялась время от времени здесь, в холмах. А по гостям ходить времени не было. Слишком много работы. Может, в этом-то и фокус, думала про себя Тиффани. Если не сидеть сложа руки, то сходить с ума некогда.

Когда Тиффани вернулась к кургану Фиглей, солнце стояло уже высоко. Её ждало самое настоящее потрясение: Амбер сидела на склоне холма в окружении Фиглей и весело смеялась. Тиффани припарковала метлу в зарослях терновника, а между тем и кельда подоспела.

– Ты, надеюсь, не возражнёшь, – промолвила она, заметив выражение лица Тиффани. – Солнце – великий целитель.

– Джинни, твои утешания просто чудо что такое, но я бы предпочла, чтобы вы поменьше попадались ей на глаза! Она же разболтает другим!

– О, ей это всё помстится вроде как снами благодаря утешаниям, – невозмутимо заверила Джинни, – а кто прислухнется к тому, что мала девчура болтает про феечек?

– Ей уже тринадцать! – возразила Тиффани. – И этого нельзя допускать!

– Разве она не счастлива?

– Ну да, но...

В глазах Джинни блеснула сталь. Она всегда относилась к Тиффани с большим уважением, но уважение требует взаимности. В конце концов, здесь – курган Джинни, и земля, скорее всего, тоже её. Тиффани ограничилась тем, что напонила:

– Её мать будет беспокоиться.

– Да ну? – отозвалась Джинни. – И что, её ма сильно обеспокоилась, когда позволила избить бедняжку до полусмерти?

Проницательность кельды здорово действовала на нервы. Тиффани часто говорили, что она уж больно востра, того гляди порежется, но неотрывный взгляд кельдиных серых глаз, пожалуй, искрошил бы и железные гвозди.

– Ну, мать Амбер, она... она не слишком умна.

– Я слыхала, – отозвалась Джинни. – Но у скотов мозга не густо, и однако ж лань с места не стронется, обороняя своего оленёнка, а лиса за своего лисёнка псу горло перервёт.

– У людей всё куда сложнее, – вздохнула Тиффани.

– Похоже на то, – согласилась кельда. В голосе её зазвучали ледяные ноты. – Ну что ж, утешания, похоже, свою работу делают, так что, мож, девчуре и впрямь пора вертаться в ваш сложный мир?

«Где ещё жив её отец, – напомнила себе Тиффани. – Я знаю, что жив. Он весь в синяках, но он дышит и, от души надеюсь, протрезвел. И когда же вся эта история закончится? Надо разобраться с проблемой раз и навсегда! У меня других дел полно! А днём мне нужно навестить барона!»

Отец Тиффани встретил их во дворе фермы; Тиффани обычно оставляла метлу привязанной к дереву снаружи, теоретически – чтобы, пролетая, не распугать кур, но главным образом потому, что так и не научилась приземляться достаточно ловко и не хотела позориться на глазах у зрителей.

Господин Болен переводил взгляд с Амбер на дочь.

– С ней всё в порядке? Выглядит она малость... не от мира сего.

– Ей дали успокоительного, чтоб полегчало, – объяснила Тиффани, – не надо бы ей пока выходить за ворота.

– Её мать вся испереживалась, знаешь ли, – укоризненно продолжал отец Тиффани, – но я ей сказал, Амбер в безопасном месте и ты за ней ухаживаешь.

В словах его явственно прозвучал намёк на: «Ты ведь уверена, что всё делаешь правильно, да?», но Тиффани старательно пропустила его мимо ушей и просто ответила:

– Да, всё верно.

Она попыталась представить себе, как госпожа Пенни переживает, но ничего не получилось. Сколько Тиффани себя помнила, вид у этой женщины всегда был настороженно-оторопелый, как будто жизнь для неё – штука слишком сложная, только и жди очередного подвоха.

Болен притянул к себе дочь и понизил голос.

– Ночью Пенни вернулся, – прошептал он. – Говорят, его пытались убить!

– Что?

– Не сойти мне с этого места!

Тиффани обернулась на Амбер. Девушка неотрывно глядела в небо, словно надеясь, что вот-вот произойдёт что-нибудь интересное.

– Амбер, – тщательно подбирая слова, произнесла Тиффани, – ты ведь кур кормить умеешь, правда?

– О да, госпожа!

– Так ступай и покорми наших, ладно? Зерно в амбаре.

– Твоя мама их давным-давно покормила, – возразил было отец, но Тиффани быстро оттащила его в сторону.

– Когда это случилось? – спросила она, провожая взглядом девушку: та послушно побрела в амбар.

– Прошлой ночью, не знаю, в каком часу. Мне госпожа Пенни рассказала. Его сильно избили. В том самом хлипком сарае, где мы с тобой вчера сидели.

– Госпожа Пенни к нему вернулась? После всего, что случилось? Да что она в нём находит?

Господин Болен пожал плечами.

– Он ей муж.

– Но все знают, что он её бьёт!

– Ну, наверное, для некоторых женщин такой муж лучше, чем вообще никакого, – не без смущения выговорил отец.

Тиффани открыла было рот, чтобы ответить, встретила взглядом с отцом и поняла правду его слов. Она видела таких женщин в горах, разбитых и вымотанных: детей у них слишком много, денег слишком мало. Конечно, если

они водили дружбу с нянюшкой Ягг, хотя бы насчёт детей можно было бы что-то придумать, и всё-таки есть на свете семьи, которые, чтобы поставить на стол еду, иногда вынуждены продавать стулья. И с этим ничего, вообще ничего не поделаешь.

– Пап, господина Пенни никто не бил, хотя, пожалуй, стоило бы. Я нашла его в сарае: он пытался повеситься, и я обрезала верёвку.

– У него сломано два ребра, на нём места живого нет!

– Пап, там очень высоко падать – и он уже хрипел! Что ещё я могла сделать? Оставить его болтаться в петле? Заслуживает он этого или нет, но он выжил! И роль палача не по мне! Там букетик лежал, папа! Сорняки и крапива! У него от крапивы все руки распухли! В нём ещё теплится малая искорка, заслуживающая того, чтобы жить, ты разве не видишь?

– Но ты унесла ребёнка.

– Нет, папа, я унесла мёртвое тельце. Пап, послушай меня и попытайся понять. Я похоронила младенца, который умер. Я спасла человека, который умирал. Вот что я сделала, папа. Люди могут не понять и начнут выдумывать небылицы. Мне всё равно. Работа есть работа, и нужно её делать.

Послышалось кудахтанье; через двор прошла Амбер, а за ней цепочкой бежали куры. Кудахтающий звук издавала сама Амбер; на глазах у Тиффани и её отца куры промаршировали взад-вперёд, словно по команде сержанта-инструктора по строевой подготовке. Между кудахтаньем девушка посмеивалась про себя; заставив кур торжественно прошагать по кругу, она как ни в чём не бывало оглянулась на Тиффани с отцом и увела птиц обратно в амбар.

Помолчав, отец Тиффани промолвил:

– Я правда видел то, что видел?

– Да, – подтвердила Тиффани. – Сама не понимаю, что это было.

– Я потолковал тут с ребятами, – промолвил отец, – а твоя мама поговорила с женщинами. Мы станем приглядывать за семейкой Пенни. Больно долго мы смотрели сквозь пальцы на то, чего попускать не след. Нельзя всё перекладывать на тебя. Пусть люди не думают, будто ты за них всё уладишь, и, послушай моего совета, ты так тоже не думай. Есть вещи, за которые полагается браться всей деревней.

– Спасибо, пап, – поблагодарила Тиффани. – А теперь я, пожалуй, пойду навещу барона.

Тиффани уже почти и не помнила барона в добром здравии. Никто, по-видимому, не знал толком, что с ним не так. Но, как и многие другие больные на её памяти, он как-то держался, жил в подвешенном состоянии и ждал смерти.

Кто-то из поселян сказал о нём: дверь скрипит, да никак не захлопнется. Теперь барону становилось всё хуже; на взгляд Тиффани, ждать, что дверь его жизни захлопнется навеки, оставалось уже недолго.

Но Тиффани могла забрать его боль и даже припугнуть её малость, чтобы боль повредила возвращаться.

Тиффани поспешила в замок. Сиделка, госпожа Лоск, её уже дожидалась. Лицо её было белее простыни.

– Ох, не лучший сегодня у него день, – посетовала она и со смиренной улыбочкой добавила: – Я за него всё утро молилась.

– Очень великодушно с вашей стороны, – отозвалась Тиффани. Она постаралась не подпускать в голос сарказма, но сиделка всё равно одарила её хмурым взглядом.

Тиффани провели в комнату, где пахло так, как обычно пахнет в комнатах больных: слишком даёт о себе знать присутствие людей, а вот воздуха недостаточно. Сиделка встала в дверном проёме, точно на часах. Тиффани затылком чувствовала её неотрывный подозрительный взгляд. Подобное отношение встречалось всё чаще. То и дело объявлялись бродячие

проповедники, которые ведьм не любили, и люди к ним прислушивались. Люди порою живут в очень странном мире, думала про себя Тиффани. Каким-то непостижимым образом все знают, что ведьмы воруют младенцев и губят посевы; подобная чушь у всех на слуху. И в то же время, когда нужна помощь, бегут люди не куда-нибудь, а к ведьме.

Барон лежал на смятых простынях; лицо его посерело, волосы совсем поседели, а кое-где и вовсе повыпадали, оставив розовые проплешины. Однако выглядел он опрятно. Барон всегда отличался чистоплотностью. Каждое утро кто-то из стражников приходил его побрить. Барона это, по всей видимости, взбадривало, но прямо сейчас он смотрел сквозь Тиффани, словно её не видел. Она к этому привыкла; барон был, как говорится, «человеком старой закалки». Гордости не занимать, и характер не из лёгких, но умеет за себя постоять всегда и везде. Для него боль – это драчливый задира, а как поступают с драчливыми задирами? Им дают отпор, потому что тогда они просто убегают, поджав хвост. Но боль этого правила не знала. Наоборот, она задирала и изводила его всё сильнее. Барон лежал, закусив побелевшие губы, и Тиффани прямо-таки слышала, как он не кричит.

Девушка присела на табуретку рядом, размяла пальцы, вдохнула поглубже – и забрала боль, вытягивая её из истощённого тела и вкладывая в невидимый шар у себя над плечом.

– Я, знаете ли, магии не одобряю, – с порога сообщила сиделка.

Тиффани вздрогнула, словно канатоходец, вдруг почувствовавший, что на другом конце ударили палкой по верёвке. Она осторожно, капля по капле, утихомирила поток боли.

– Так я о чём, – продолжала сиделка, – не стану отрицать, ему и впрямь становится лучше, но хотелось бы мне знать, в чём источник этой целительной силы?

– Вероятно, в ваших молитвах, госпожа Лоск, – кротко отозвалась Тиффани и с удовольствием отметила, что лицо сиделки исказилось от ярости.

Но госпожа Лоск была толстокожа как слон.

– Мы должны быть уверены, что не являемся с тёмными демоническими духами. Лучше немножечко помучиться от боли в этом мире, нежели страдать вечность!

В горах стоят лесопилки на водяном двигателе, оснащённые громадными циркулярными пилами. Пилы вращаются так быстро, что видно лишь серебристую смазанную кляксу в воздухе... пока какой-нибудь забывчивый растяпа не потеряет бдительность, и тогда диск становится красным, а в воздухе идёт дождь из отрезанных пальцев.

Сейчас примерно так ощущала себя Тиффани. Ей необходимо сосредоточиться, а эта женщина болтает как заведённая, а боль только и ждёт, чтобы ведьма на краткий миг утратила бдительность. Ну что ж, ничего не попишешь... Тиффани швырнула болью в подсвечник у кровати. Тот разлетелся вдребезги, свеча полыхнула пламенем; Тиффани поспешно затоптала огонь. И обернулась к потрясённой сиделке.

– Госпожа Лоск, безусловно, всё, что вы говорите, чрезвычайно интересно, но в общем и целом, госпожа Лоск, мне безразлично ваше мнение о чём бы то ни было. Я не возражаю, чтобы вы тут оставались, госпожа Лоск, но то, что я делаю, очень трудно и опасно для меня, особенно если что-то пойдёт не так, и против этого я решительно возражаю, госпожа Лоск. Уходите, госпожа Лоск, или оставайтесь, но главное – заткнитесь, госпожа Лоск, потому что я только-только начала и боли мне предстоит забрать ещё очень много.

Госпожа Лоск грозно воззрилась на неё.

Тиффани в свой черёд одарила её особым взглядом, а если ведьмы в чём и наострились, так это в особых взглядах.

Дверь за возмущённой сиделкой захлопнулась.

– Говори потише – она подслушивает у двери, – раздался голос барона. Вот только разве это голос? – надтреснутый, срывающийся; повелительные интонации в нём слышались еле-еле, и каждое слово словно умоляло, чтобы хватило времени для следующего.

– Простите, сэр, но мне нужно сосредоточиться, – объяснила Тиффани. – Здесь ни в коем случае нельзя ошибиться.

– Конечно. Я помолчу.

Забирать боль – дело опасное, трудное и изматывающее, но до чего же отрадно было видеть, как посеревшее лицо старика оживает на глазах. Кожа уже слегка порозовела и набирала упругость по мере того, как всё больше боли вытекало из барона через Тиффани в новый невидимый шарик, парящий над её правым плечом.

Равновесие. Всё дело в равновесии. Таково было одно из самых первых заученных ею правил: середина качелей не поднимается и не опускается, взлёты и падения проходят сквозь неё, а она остаётся неподвижна. Нужно стать центром качелей, чтобы боль текла сквозь тебя, а не внутрь тебя. Это очень трудно. Но она это умеет! Тиффани гордилась собой; даже матушка Ветровоск хмыкнула, когда Тиффани в один прекрасный день продемонстрировала ей, как освоила этот фокус. А хмыканье от матушки Ветровоск – всё равно что шквал аплодисментов от любого другого.

Барон заулыбался.

– Спасибо, госпожа Тиффани Болен. А теперь мне бы хотелось пересест в кресло.

Это было что-то новое; Тиффани призадумалась.

– Сэр, вы уверены? Вы всё ещё очень слабы.

– Да-да, мне все так говорят, – отмахнулся барон. – Можно подумать, я сам не знаю. Помогите мне подняться, госпожа Тиффани Болен, потому что мне нужно поговорить с тобой.

Это оказалось нетрудно. Девушка, способная вытащить из кровати господина Пенни, с бароном управится играючи: она обращалась с ним как с хрупкой фарфоровой статуэткой, на которую он, кстати, весьма походил.

– Не думаю, чтобы мы с тобой, госпожа Тиффани Болен, за всё то время, что ты за мной приглядываешь, хоть раз поговорили толком, а не коротко и по делу, – заявил больной, когда Тиффани устроила его и вручила трость для опоры. Барон

был не из тех, кто вальяжно разваливается в кресле, если можно сидеть на самом краешке.

– Ну, да, сэр, наверное, вы правы, – осторожно согласилась Тиффани.

– Прошлой ночью мне приснилось, что у меня тут гости, – сообщил барон, лукаво усмехаясь уголком рта. – Что ты на это скажешь, а, госпожа Тиффани Болен?

– Пока что я не знаю, что и подумать, сэр, – отозвалась Тиффани, твердя про себя: «Только не Фигли! Пожалуйста, только не Фигли!»

– Это была твоя бабушка, госпожа Тиффани Болен. Чудесная была женщина, и красавица редкостная. О да, я здорово расстроился, когда она вышла за твоего деда, но, наверное, всё сложилось к лучшему. Я по ней очень скучаю, знаешь ли.

– Вы? – удивилась Тиффани.

Старик улыбнулся.

– После смерти моей дражайшей супруги только она одна и смела со мною спорить. Тому, кто облечён ответственностью и властью, нужен кто-то, кто бы одёрнул его, если он поведёт себя как распоследний дурак. Матушка Болен выполняла эту обязанность с похвальным рвением, должен отметить. И спасибо ей большое, потому что я частенько вёл себя как распоследний дурак, которому надо бы надрать задницу, метафорически говоря. Я надеюсь, госпожа Тиффани Болен, что, когда я буду уже в могиле, ты окажешь ту же услугу моему сыну Роланду, который, как ты знаешь, порою слишком много о себе воображает. Ему нужен кто-то, кто надрал бы ему задницу, метафорически говоря, или даже в буквальном смысле, ежели он чересчур зазнается.

Тиффани сдержала улыбку и, улучив момент, поправила крутящийся шарик боли, что по-свойски парил над плечом.

– Спасибо за доверие, сэр, я сделаю всё, что в моих силах.

Барон вежливо кашлянул.

– На самом деле в какой-то момент я питал надежду, что вы с моим мальчиком вступите во... взаимоотношения более личного свойства.

– Мы добрые друзья, – промолвила Тиффани, тщательно подбирая слова. – Мы всегда были добрыми друзьями, и я надеюсь, мы и впредь останемся... добрыми друзьями. – Тиффани поспешно утихомирила опасно завибрировавшую боль.

Барон кивнул.

– Вот и славно, госпожа Тиффани Болен, но, пожалуйста, будь так добра, пусть узы дружбы не помешают тебе справедливо надрать ему задницу, ежели в том возникнет нужда.

– Я с превеликим удовольствием исполню ваш завет, сэр.

– Ты молодец, юная барышня, – похвалил барон, – и спасибо, что не отчитываешь меня за употребление слова «задница» и не спрашиваешь, что значит «метафорически».

– Нет, сэр, я знаю, что такое «метафорически», а «задница» – это общеупотребительное слово, тут стыдиться нечего.

Барон кивнул.

– Да, ощущается в нём этакая похвальная прямота. А «попу» оставим для старых дев и малышни.

Тиффани покрутила слова на языке и согласилась:

– Да, сэр, мне тоже кажется, что здесь вы в самую точку попали.

– Превосходно. Кстати говоря, госпожа Тиффани Болен, не могу не полюбопытствовать, с какой стати ты нынче не приседаешь передо мной в реверансе. Почему нет?

– Я теперь ведьма, сэр. Мы этого не делаем.

– Но я твой барон, юная барышня.

– Да. А я – ваша ведьма.

– Но там, за дверью, моя стража; солдаты тотчас сбегутся, стоит мне кликнуть. И ты, конечно же, знаешь, что здешний народ ведьм не то чтобы жалуется.

– Да, сэр, я это знаю, сэр. Ведь я – ваша ведьма.

Тиффани внимательно вглядывалась в лицо барона. Его светло-голубые глаза озорно, хитро поблёскивали.

«Худшее, что ты сейчас можешь сделать, – сказала себе Тиффани, – это выказать слабость. Он – как матушка Ветровоск; он проверяет людей на прочность».

Словно прочитав её мысли, барон рассмеялся.

– То есть ты сама себе хозяйка, госпожа Тиффани Болен?

– Не уверена, сэр. Последнее время мне кажется, что я принадлежу всем и каждому.

– Ха, – хмыкнул барон. – Мне рассказывают, ты трудишься не покладая рук.

– Я – ведьма.

– Да, – кивнул барон. – Именно так ты и сказала, чётко, ясно и неоднократно. – Барон упёрся обеими иссохшими руками в трость и поверх них посмотрел на собеседницу. – Стало быть, это правда, да? Что лет семь назад ты, вооружившись железной сковородкой, отправилась куда-то там в волшебную страну и спасла моего сына от королевы эльфов – чрезвычайно неприятной особы, как я понимаю?

Тиффани замаялась.

– А вы хотите, чтобы всё было именно так? – спросила она.

Барон усмехнулся и ткнул в её сторону костлявым пальцем.

– Хочу ли я? Право слово! Хороший вопрос, госпожа Тиффани Болен, она же ведьма. Дай-ка подумаю... скажем так... я хочу знать правду.

– Ну, про сковородку всё правда, надо признать, и да, Роланд был здорово не в себе, так что мне, ну, пришлось взять дело в свои руки. Самую малость.

– Самую... малость? – улыбнулся старик.

– Не то чтобы необоснованно большую малость, – быстро поправилась Тиффани.

– А почему мне никто не рассказал об этом тогда, скажи на милость?

– Потому что вы – барон, – просто сказала Тиффани, – а мальчикам с мечами полагается спасать девочек. Так во всех сказках говорится. Так сказки устроены. Никто никогда и думать не хотел, что может быть и наоборот.

– И тебе не было обидно? – Барон не сводил с неё глаз и ни разу не моргнул. Лгать не имело смысла.

– Было, – призналась она. – Самую малость.

– Обоснованно большую малость?

– Наверное, да, так. Но потом я уехала учиться на ведьму и больше об этом не задумывалась. Вот и вся правда, сэр. Простите, сэр, но кто вам об этом рассказал?

– Твой отец, – отвечал барон. – И я ему за это очень признателен. Он навестил меня вчера, пришёл попрощаться, поскольку я, как ты сама знаешь, умираю. И это, кстати, тоже правда. И только попробуй устроить ему разнос, юная барышня, ведьма ты там или не ведьма. Обещай, что не будешь.

Тиффани знала, что эта ложь вот уже много лет язвила отца. Ей-то было по большей части всё равно, а вот ему – нет.

– Да, сэр, обещаю.

Барон помолчал мгновение, не сводя с девушки глаз.

– Видишь ли, госпожа Тиффани Болен, которая, если верить последовательным повторам, ещё и ведьма, ныне взор мой затуманен, а вот разум отчего-то видит дальше, чем ты думаешь. Но, наверное, мне ещё не поздно восстановить справедливость. Под моей кроватью стоит окованный медью сундук. Пойди открой его. Ну же! Прямо сейчас.

Тиффани выдвинула сундук из-под кровати; казалось, он наполнен свинцом.

– Внутри ты найдёшь несколько кожаных кошель, – проговорил старик за её спиной. – Вытащи один. В нём лежит пятнадцать долларов. – Барон откашлялся. – Спасибо, что спасла моего сына.

– Послушайте, я не могу принимать... – начала было Тиффани, но барон грохнул тростью об пол.

– Заткнись и, будь так добра, послушай, госпожа Тиффани Болен. Когда ты сражалась с королевой эльфов, ты ещё не была ведьмой, а значит, ведьминское правило не брать денег здесь неприменимо, – резко заявил он. Глаза его сияли ярче сапфиров. – Что до оказанных мне лично услуг, я так понимаю, тебе заплатили едой и чистым подержанным полотном, ношеной обувью и дровами. Я надеюсь, моя экономка была достаточно щедра? Я велел ей не скупиться.

– Что? О, о да, сэр. – И так оно и было. Ведьмы жили в мире одежды с чужого плеча, старых простыней (хороший перевязочный материал), башмаков, в которых ещё сохранилось немного жизни, и, конечно же, подержанного, поношенного, потрёпанного и в целом видавшего виды добра из вторых, третьих, четвёртых и пятых рук. В таком мире получить доступ к кладовым жилого замка – всё равно что разжиться ключом от монетного двора. Что до денег... Тиффани снова и снова взвешивала кожаный мешочек в руках. Какой тяжёлый!

– А что вы со всем этим барахлом делаете, госпожа Тиффани Болен?

– Что? – рассеянно откликнулась она, всё ещё рассматривая кошель. – Э, гм, меняем одно на другое, отдаём людям, которым оно нужно... ну, всё в таком духе.

– Госпожа Тиффани Болен, ты внезапно сделалась уклончива. Ты, наверное, размышляешь про себя о том, что пятнадцать долларов – это сушая малость за спасение баронского сына, не так ли?

– Нет!

– То есть это было «да», верно?

– То есть это было «нет», сэр! Я – ваша ведьма! – Тиффани, тяжело дыша, обожгла его свирепым взглядом. – И я пытаюсь уравновесить очень непростой шарик боли, сэр.

– Ага, это говорит внучка матушки Болен! Покорно прошу прощения, как мне частенько следовало попросить прощения и у неё. И, тем не менее, будь так добра оказать мне честь и любезность и принять этот кошель, госпожа Тиффани Болен, и воспользоваться его содержимым как сочтёшь нужным в память обо мне. Я уверен, такого количества денег ты в жизни своей не видела.

– Я никаких денег обычно не вижу, – запротестовала потрясённая Тиффани.

Барон снова гроыхнул тростью об пол, словно аплодируя.

– Я очень сомневаюсь, что тебе вообще доводилось видеть такие деньги, – весело заметил он. – Потому что, понимаешь ли, хотя в мешочке пятнадцать долларов, это не те доллары, к которым ты привыкла или привыкла бы, если бы имела дело с деньгами. Это – старые доллары, тех давних времён, когда денежную систему ещё не изгадили. В современном долларе, как я понимаю, по большей части медь, а золота там – что в морской воде. А вот этот доллар – настоящий шиллинг, чистейшей воды, да простится мне эта шутка. – Тиффани охотно простила шутку, потому что не поняла. Барон улыбнулся её замешательству. – Короче, госпожа Тиффани Болен, если ты отнесёшь эти

монеты честному оценщику, он заплатит тебе, ну, я думаю, где-то около пяти тысяч анк-морпоркских долларов. Не знаю, сколько это в пересчёте на старые башмаки, но, с вероятностью, на эти деньги ты сможешь купить себе старый башмак величиной с этот замок.

«Я не могу принять этих денег», – подумала Тиффани. Мешочек в её руках вдруг изрядно потяжелел. А вслух она сказала:

– Для ведьмы это слишком много.

– Но за сына – не слишком, – возразил барон. – Не слишком много за наследника, не слишком много за преемственность поколений. Не слишком много за то, чтобы убрать из мира ложь.

– Но на эти деньги мне лишней пары рук не купить и ни единой секунды в прошлом не исправить, – отозвалась Тиффани.

– И тем не менее я настаиваю, чтобы ты их взяла, – повторил барон. – Если не ради себя, то ради меня. Это снимет тяжкое бремя с моей души, и, поверь, прямо сейчас душу эту неплохо бы подчистить, ты не согласна? Я ведь скоро умру, так?

– Да, сэр. Думаю, очень скоро, сэр.

Тиффани стала чуть лучше понимать барона и нисколько не удивилась, когда тот рассмеялся.

– Видишь ли, – пояснил он, – большинство людей сказали бы: «Да нет, дружище, ты ещё всех нас переживёшь, мы тебя быстренько на ноги поднимем, ты ещё бодрячком!»

– Да, сэр. Я ведьма, сэр.

– И в нынешних обстоятельствах это значит, что?..

– Я изо всех сил стараюсь не лгать, сэр.

Старик поёрзал в кресле и внезапно стал серьёзным.

– Когда придёт время... – начал было он и замялся.

– Я буду с вами, сэр, если хотите, – отозвалась Тиффани.

Барон облегчённо выдохнул.

– А тебе уже доводилось видеть Смерть?

Тиффани ждала этого вопроса и была к нему готова.

– Обычно я просто чувствую, как он проходит мимо, сэр, но я видела его дважды, так сказать, во плоти, если бы плоть у него была. Он – скелет с косой, в точности как в книгах – собственно, я думаю, он таков именно потому, что так его изображают в книгах. Он учтив, но твёрд, сэр.

– Да уж, не удивлюсь! – Старик немного помолчал и продолжил: – А он... не говорил чего-нибудь насчёт загробной жизни?

– Да, сэр. По всей видимости, там нет горчицы, и у меня сложилось впечатление, что маринадов и солений тоже.

– Правда? Досада какая. Наверное, соусы чатни[17 - Чатни – традиционные индийские соусы, в большинстве своём остро-сладкие; в них входят разнообразные ингредиенты и специи, зачастую непривычные для европейского вкуса (молотый арахис, кокос, люффа, имбирь, перец чили и т. д.) и экзотические сочетания ингредиентов (например, мята и лук). Чатни оттеняют вкус основного блюда и эффектно смотрятся на столе благодаря ярким цветам. Соусы-чатни обрели большую популярность в Великобритании благодаря тому, что Индия долгое время оставалась её колонией; в английской и западной кухне чатни служат приправой к твёрдым сырам и к холодным закускам.] тоже исключаются?

– Я не обсуждала тему приправ в подробностях, сэр. У него такая большая коса.

В дверь забарабанили, и госпожа Лоск громко осведомилась:

– Вы в порядке, сэр?

– Лучшего и желать нельзя, уважаемая госпожа Лоск, – столь же громко отозвался барон, а затем заговорщицки понизил голос. – Кажется, наша госпожа Лоск тебя не жалует, дорогая моя.

– Она считает, я негигиенична, – объяснила Тиффани.

– Никогда не понимал этой чепухи, – фыркнул барон.

– Всё очень просто, – отозвалась Тиффани. – Я просто сую руки в огонь при любой возможности.

– Что? Ты кладёшь руки в огонь?

Тиффани уже пожалела, что обмолвилась, но теперь старик не отступится, пока она ему не покажет. Девушка вздохнула, подошла к очагу, сняла с подставки тяжёлую железную кочергу. Себе самой она призналась, что и впрямь любит иногда похвастаться этим фокусом, а барон – зритель благодарный. Но уместно ли делать это сейчас? Ну да ладно, фокус с огнём не такой уж и сложный, боль надёжно уравновешена, а барону, похоже, уже недолго осталось.

Тиффани зачерпнула ведром воды из небольшого колодца в дальнем конце комнаты. В колодце водились лягушки, а значит, и в ведре, но добрая Тиффани бросила их обратно в колодец. Кому приятно варить лягушек? Без ведра с водой, строго говоря, можно было и обойтись, но и ведру отводилась своя роль. Тиффани театрально откашлялась.

– Видите, сэр? У меня в руках одна кочерга и одно ведро с водой. А теперь... я держу в левой руке кочергу, а правую кладу в самую горячую середину пламени, вот так.

Барон охнул: пламя охватило её кисть, а кончик кочерги в другой руке внезапно раскалился докрасна.

Произведя должное впечатление на барона, Тиффани опустила кочергу в ведро с водой: за клубилось облако пара. Затем она подошла к барону и продемонстрировала правую руку – целую и невредимую.

– Но я своими глазами видел, как взметнулось пламя! – вытаращил глаза барон. – Здорово! Потрясающе здорово! Это какой-то фокус, да?

– Скорее навык, сэр. Я положила руку в огонь и направила жар в кочергу. Просто переместила жар, понимаете? А пламя, которое вы видели, вспыхнуло и сожгло отмершие кусочки кожи, грязь и всех этих гнусных невидимых кусачих тварей, которые кишмя кишат на негигиеничных руках... – Девушка оборвала себя на полуслове. – С вами всё в порядке, сэр? – Барон неотрывно глядел на неё. – Сэр? Сэр?

Старик заговорил, словно зачитывая из невидимой книги:

– «Зайчиха бежит в огонь. Зайчиха бежит в огонь. Огонь принимает её – но не жжёт. Огонь обнимает её – и не жжёт. Зайчиха вбегает в огонь. Огонь её любит, она – свободна...» Я всё вспомнил! Как я вообще мог забыть! Как я посмел позабыть такое?! Я говорил себе, что запомню это навсегда, но время идёт, столько всего надо запомнить и сделать, мир загромождается, посягает на твоё время и на твою память. И то, что важно, то, что настоящее, – забывается...

Тиффани потрясённо глядела, как по лицу барона катятся слёзы.

– Я всё помню, – прошептал он, захлёбываясь рыданиями. – Я помню жар! Я помню зайчиху!

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвалась госпожа Лоск. То, что произошло дальше, заняло не дольше мгновения, но Тиффани показалось, будто прошли часы. Сиделка поглядела на неё, с кочергой в руке, затем на плачущего старика, затем снова на Тиффани, которая выпустила кочергу из рук, затем снова на старика, затем снова на Тиффани – кочерга упала в очаг с громким лязгом, и по всему миру прокатилось эхо. Госпожа Лоск набрала в грудь побольше воздуха – точно кит перед тем, как нырнуть на дно океана, и завопила:

– Что ты такое с ним делаешь, а? Убирайся прочь, ты, грязная потаскушка!

К Тиффани тут же вернулась способность говорить, а затем и кричать:

– Я – чистая, и я ничего не таскаю!

– Я позову стражу, ты, чёрная полуночная ведьма! – завопила сиделка, выбегая за дверь.

– Сейчас только одиннадцать тридцать! – крикнула ей вслед Тиффани и бросилась к барону, зная не зная, что делать дальше. Боль встрепенулась. Тиффани её чувствовала. Мысли мешались. Того гляди равновесие нарушится. Девушка на мгновение сосредоточилась и, заставляя себя улыбнуться, обернулась к барону:

– Мне страшно жаль, если я вас расстроила, сэр, – начала она и тут же осознала, что барон улыбается сквозь слёзы и всё лицо его словно светится.

– Расстроила? Помилуй, ещё чего, я вовсе не расстроен. – Барон попытался выпрямиться и трясущимся пальцем указал на огонь. – Наоборот, я поправился! Я словно ожил! Я снова молод, дорогая моя госпожа Тиффани Болен! Я помню тот чудесный день! Видишь меня? Внизу, в той долинке? Чудесный, бодрящий сентябрьский денёк. Малыш в твидовой курточке, помню, она ещё такая кусачая была, всё тело зудело, да-да, ужас до чего кусачая, и мочой пахивала! Мой отец распевал «Жаворонков трели»[18 - «Жаворонков трели». Песня, которую так любили старый барон и отец барона и которая, по-видимому, пользовалась популярностью в Меловых холмах мира Пратчетта, на самом деле существует и в нашем мире и по сей день пользуется не меньшей популярностью в юго-западных графствах Англии. Она действительно называется «Жаворонков трели» (дословно: «Жаворонки пели мелодично», «Larks they sang melodious»); и, как и в мире Пратчетта, в иных областях может быть известна под другим названием («...У нас в горах она известна под названием “Утром ясным и прекрасным”», – уточняет нянюшка Ягг), хотя распознаётся по первым же строчкам. Впервые эта «уличная баллада» неизвестного автора была опубликована ранее 1819 года в виде печатного листка (так называемый broadside) Джоном Питтсом (14, Грейт-Сент-Эндрюз-Стрит), известнейшим британским издателем балладных печатных листков XIX в. В первом издании баллада называлась «Моряк и его милая» и состояла из четырёх куплетов. Т. Пратчетт, по всей видимости, воспользовался одним из более поздних вариантов (где фигурирует не моряк, а солдат). Трогательный сюжет о расставании моряка/солдата со своей верной возлюбленной в уличных балладах пользовался огромной популярностью. На сегодняшний день эта баллада существует во множестве вариантов (в частности, разнится количество куплетов), но благодаря

мелодичному, легко запоминающемуся припеву, который подхватывают все присутствующие, остаётся одной из любимых народных песен. «Жаворонков трели» часто звучат на фестивалях и концертах фолк-музыки и в пабах. Начинается песня так: Утром ясным и прекрасным мир в сияние одет, Поднялась в полях пшеница, над холмом вставал рассвет, Дрозд насвистывал на ветке, были рощи зелены, И звонко жаворонков трели разносились с вышины. Шли вдвоём солдат с любимой по полям и по лугам. И сказал солдат любимой: «Суждена разлука нам: За морем грохочут пушки, плыть за море кораблю. Я расстаться должен с Нэнси – с той, которую люблю...], а я пытался подпевать, но, понятное дело, не мог, потому что голосишко у меня был что у кролика; и мы смотрели, как жгут стерню. Повсюду курился дым, огонь катился по полю; мыши, крысы, кролики и даже лисы бежали от пламени нам навстречу. Фазаны и куропатки в последний момент взмывали в небо, как это за ними водится, и вдруг все звуки смолкли, и я увидел зайчиху. Ох, ну и здоровенную же, а ты знаешь, что деревенские считают, будто все зайцы на самом деле зайчихи? – так вот, она просто-напросто сидела на месте и таращилась на меня, а вокруг падали кусочки сожжённой травы, а за ней бушевало пламя. Она неотрывно смотрела на меня, и я готов поклясться, что, как только она поймала мой взгляд, зайчиха взвилась в воздух – и скакнула прямо в огонь. Я, понятное дело, разревелся – такая она была красивая. А отец подхватил меня на руки и шепнул, что откроет мне один маленький секрет, и научил меня заячьей песне, чтобы я узнал правду и перестал плакать. А потом, уже позже, мы прошлись по пепелищу и никакой мёртвой зайчихи не нашли. – Старик неловко повернул голову к Тиффани и засиял, буквально засиял. Засветился изнутри.

Откуда это? – недоумевала Тиффани. Для бликов огня отсвет слишком золотистый, а шторы задвинуты. Здесь, в комнате, всегда было слишком темно, но сейчас вокруг лучился бодрящий сентябрьский день...

– Помню, когда мы вернулись домой, я нарисовал картинку цветными карандашами, и отец был так горд, что обошёл с ней весь замок, показывая всем и каждому, – продолжал старик с энтузиазмом мальчишки. – Детские каракули, понятное дело, но отец говорил о картинке словно о невесте каком шедевре. С родителями это случается. Я нашёл картинку в отцовских бумагах после его смерти, и, кстати, если тебе интересно, ты её обнаружишь в кожаной папке в том же сундуке с деньгами. Это же, в конце концов, ценная вещица. Я никому больше об этом не рассказывал, – признался барон. – Люди, и дни, и воспоминания приходят и уходят, но это воспоминание всегда было здесь, со мной. И никакими деньгами, госпожа Тиффани Болен, она же ведьма, мне не расплатиться с тобой за то, что ты вернула мне это чудесное видение. Которое я

буду помнить вплоть до смертного...

На краткий миг пламя в очаге замерло, и в воздухе ощутимо похолодало.

Тиффани никогда не была уверена, что действительно видит Смерть: возможно, каким-то непостижимым образом всё происходило у неё голове. Хотя, где бы он ни был, он, ну, в общем, был здесь.

– КАЖЕТСЯ, МОМЕНТ ПОДХОДЯЩИЙ? – промолвил Смерть.

Тиффани не отпрянула – с чего бы?

– Это ты устроил? – спросила она.

– КАК БЫ МНЕ НИ ХОТЕЛОСЬ ПРИПИСАТЬ ЗАСЛУГУ СЕБЕ, ТУТ ЗАДЕЙСТВОВАНЫ ИНЫЕ СИЛЫ. ДОБРОГО ВАМ УТРА, ГОСПОЖА БОЛЕН.

Смерть ушёл, и барон последовал за ним – маленький мальчик в новёхонькой твидовой курточке, ужасно кусачей и пахнущей мочой[19 - Встарь суконщики использовали мочу в качестве протравы при крашении шерстяной одежды, чтобы красители закрепились и не полиняли; в результате ткань пахла ещё не один год. Сама мисс Тик не объяснила бы технологию лучше, сохраняя при этом несокрушимое спокойствие, хотя она-то, вероятно, воспользовалась бы термином «телесные выделения».], шёл за отцом по дымящемуся жнивью.

Тиффани коснулась ладонью лица покойника и почтительно закрыла ему глаза, в которых уже угасал отсвет горячей стерни.

Глава 5. Праматерь языков

Здесь должна была настать минута тишины; вместо того настала минута металла. Стражники были уже на подходе: их доспехи громыхали даже больше обычного, потому что ни один толком не подходил по размеру. Вот уже сотни лет ни о каких битвах здесь слыхом не слыхивали, но стражники по-прежнему носили доспехи: ведь в штопке они не нуждаются и снашиваются не скоро.

Дверь распахнул сержант Брайан. В лице его отражалась вся гамма противоречивых чувств. Это было выражение лица человека, которому только что сообщили, будто злая ведьма, которую он знал с детства, убила его господина, а сын господина в отлучке, а ведьма всё ещё в комнате, а сиделка, особа пренеприятная, подпихивает его в зад и орёт: «Чего ты ждёшь, парень? Выполняй свой долг!»

Всё это здорово действовало Брайану на нервы.

Он смущённо глянул на Тиффани.

– Доброе утро, госпожа, у вас тут всё в порядке? – Он уставился на сидящего в кресле барона. – Он, стало быть, умер, да?

– Да, Брайан, умер, – подтвердила Тиффани. – Он умер несколько минут назад, и у меня есть все основания считать, что умер он счастливым.

– Что ж, тогда, выходит, всё хорошо, – пробормотал сержант, и тут лицо его сморщилось, по щекам хлынули слёзы, так что следующие его слова пополам со всхлипами застревали в горле. – Он, знаешь, он был к нам так добр, когда моя бабуся занемогла; каждый день посылал ей горяченького поесть, вот прям до самого конца.

Держа Брайана за обмякшую руку, Тиффани осторожно выглянула из-за его плеча. Остальные стражники тоже плакали, и плакали особенно отчаянно, потому что знали: они – крепкие, сильные мужчины, или, по крайней мере, хотят на это надеяться, так что не пристало им нюни распускать. Но барон всегда был тут, был частью их жизни, как рассвет. Что греха таить, может, он и задавал им головомойку, ежели кто уснёт на дежурстве или у кого, скажем, меч затупился (несмотря на то, что ни одному стражнику на памяти нынешнего поколения мечом пользоваться не приходилось, разве только чтобы вскрыть банку

варенья); но, в конечном счёте, он же барон, а они – его вассалы, и вот теперь его не стало.

– Спроси её про кочергу! – завизжала сиделка из-за спины Брайана. – Ну же, спроси её про деньги!

Лица Брайана сиделка не видела, в отличие от Тиффани. Вероятно, его снова пнули в зад, и он разозлился не на шутку.

– Прости, Тифф... то есть госпожа, но вот эта дама тут говорит, ей кажется, ты совершила убийство и ограбление. – Судя по лицу Брайана, сам он так не думал и отнюдь не искал неприятностей на свою голову, менее всего – от Тиффани.

Тиффани вознаградила его сдержанной улыбкой. Никогда не забывай о том, что ты ведьма, напомнила себе она. Не кричи о своей невиновности. Ты сама знаешь, что невиновна. Тебе не нужно ни о чём кричать.

– Барон по доброте своей дал мне денег за... за то, что я за ним ухаживала, – объяснила Тиффани, – вероятно, госпожа Лоск нечаянно его услышала, и у неё сложилось ложное впечатление.

– Это целая куча денег! – побагровела госпожа Лоск. – Здоровенный сундук под кроватью барона был открыт!

– Всё это правда, – подтвердила Тиффани, – и, по всей видимости, госпожа Лоск нечаянно слушала уже довольно долго.

Кое-кто из стражников прыснул, отчего госпожа Лоск рассвирепела ещё больше, если, конечно, такое возможно. Она решительно протолкалась вперёд.

– Ты станешь отрицать, что стояла здесь с кочергой, засунув руку в огонь? – закричала она. Лицо у неё покраснелось, как у индюшки.

– Мне бы хотелось кое-что сказать, если не возражаете, – перебила её Тиффани. – Это очень важно. – Она чувствовала, как нетерпеливая боль рвётся на волю. Руки сделались холодными и влажными.

– Признавайся, ты творила чёрную магию!

Тиффани вдохнула поглубже.

– Я не знаю, что это такое, – промолвила она, – но я точно знаю, что над самым своим плечом я удерживаю последнюю боль барона и мне нужно как можно скорее от неё избавиться, а здесь я от неё избавиться не могу – слишком людно. Будьте так добры, мне нужно открытое пространство, причём прямо сейчас! – Тиффани оттолкнула с дороги госпожу Лоск, а стражники тут же расступились, к вящему раздражению сиделки.

– Не выпускайте её! Она улетит! Ведьмы всегда так делают!

Тиффани хорошо знала внутреннее устройство замка; да кто его не знал-то? Если спуститься по лестнице, попадёшь во внутренний двор – туда-то она и поспешила, чувствуя, как боль встrepенулась и расправляет щупальца. Если хочешь держать боль под контролем, нужно думать о ней как о каком-то звере, но это действует только до определённого момента. Примерно до... вот до этого момента и действует.

Рядом возник сержант, и Тиффани схватила его за руку.

– Подбрось свой шлем вверх, – с трудом выговорила она сквозь сжатые зубы, – и не спрашивай зачем!

У сержанта хватило ума повиноваться приказу: он запустил шлем ввысь, точно суповую тарелку. Тиффани швырнула боль следом, и та обрела свободу: девушка всем своим существом ощущала её жуткую скользкую шелковистость. Шлем замер в воздухе, словно натолкнувшись на невидимую стену, рухнул на булыжную мостовую в облаке пара и согнулся едва ли не вдвое.

Сержант подобрал его и тут же выронил снова.

– Да он к чертям раскалился! – Он вытаращился на Тиффани, которая, прислонившись к стене, хватала ртом воздух. – И ты вот так забираешь боль изо дня в день?

Тиффани открыла глаза.

– Да, но обычно мне хватает времени, чтобы куда-нибудь её слить. Вода и камень не слишком-то подходят, а вот металл вполне надёжен. Не спрашивай почему. Если я начну задумываться, как это работает, оно не работает.

– А я слышал, ты ещё всякие штуки с огнём умеешь делать? – восхищённо спросил сержант Брайан.

– С огнём легко работать, если голова ясная, но вот боль... боль даёт отпор. Боль живая. Боль – это враг.

Сержант снова опасливо нагнулся за шлемом, надеясь, что он достаточно остыл.

– Надо будет успеть выпрямить вмятину, пока босс не заметил, – начал он. – Ты ж знаешь, он за порядком бдит в оба глаза... Ох. – Брайан уставился в землю.

– Да, – отозвалась Тиффани как можно мягче. – К этому придётся привыкать, верно? – Она молча протянула стражнику свой носовой платок, и тот шумно высморкался.

– Но ты умеешь забирать боль, – начал он, – значит, ты можешь и?..

Тиффани предостерегающе подняла руку.

– Стоп, – приказала она. – Я знаю, о чём ты собираешься попросить, и ответ мой – «нет». Если бы ты оттяпал себе кисть руки, я, наверное, смогла бы заставить тебя забыть об этом, пока ты не попытался бы пообедать, но такие вещи, как утрата, горе и печаль? Здесь я ничем помочь не могу. Я не смею в это вмешиваться. Есть такая штука, как «утешения», но я знаю только одно существо в целом свете, которое такое умеет, и я её даже просить не стану научить меня. Это слишком... глубоко.

– Тифф... – Брайан замялся и огляделся по сторонам, словно ожидая, что из ниоткуда появится сиделка и снова ткнёт его в спину.

Тиффани ждала. «Пожалуйста, не спрашивай, – мысленно твердила она. – Ты знаешь меня всю жизнь. Не думаешь же ты...»

Брайан умоляюще поднял глаза.

– Ты ведь... ничего не брала? – Голос его прервался.

– Нет, конечно же, нет, – ответила Тиффани. – Что за муха тебя укусила? Как тебе такое только в голову пришло?

– Сам не знаю, – смущённо покраснел Брайан.

– Ладно, забудь.

– Наверное, надо известить молодого господина, – заявил Брайан, ещё раз мощно высморкавшись, – но я знаю только, что он уехал в большой город вместе со своей... – И стражник снова смущённо умолк.

– Со своей невестой, – решительно закончила Тиффани. – Никто не запрещал говорить об этом вслух.

Брайан откашлялся.

– Ну, видишь ли, мы думали... ну, то есть мы все думали, что ты и он, в общем, ну, знаешь...

– Мы всегда были добрыми друзьями, – отрезала Тиффани. – И это всё.

Ей стало жалко Брайана, пусть он и слишком часто открывает рот, не успев включить мозг. Тиффани похлопала его по плечу:

– Послушай, давай я слетаю в большой город и разыщу его?

Брайан прямо растаял от облегчения.

– Правда слетаешь?

– Конечно. Я же вижу, у тебя дел полно, а так хоть на душе поспокойнее станет.

На его душе – да, а вот на моей – наоборот, думала Тиффани, торопливо шагая по замку. Новость уже распространилась повсюду. Люди неприкаянно стояли тут и там, плакали, беспомощно озирались по сторонам. Уже у самого выхода к ней метнулась кухарка.

– Что ж мне делать-то? У меня на плите обед для бедолаги стряпается!

– Так снимите его и отдайте кому-нибудь, кому нужно поесть досыта, – не задержалась с ответом Тиффани. Главное, чтобы голос звучал деловито и невозмутимо. Люди потрясены и растеряны. Она ощущала бы то же самое, будь у неё время, но прямо сейчас важно встряхнуть их, вытолкнуть в мир «здесь и сейчас».

– Слушайте меня, вы, все, – голос Тиффани эхом разнёсся по просторному залу. – Да, ваш барон мёртв, но барон у вас по-прежнему есть! Он скоро будет здесь со своей... избранницей, и к их приезду замок необходимо отдраить от подвалов до крыши! Вы все знаете, кто за что отвечает! Так приступайте! Вспоминайте старого барона с добром и в память о нём наведите в замке порядок!

Это сработало. Это всегда срабатывает. Голос, который звучит так, словно его владелица знает, что делает, способен горы сдвинуть, особенно если эта самая владелица ещё и при остроконечной чёрной шляпе. Замок внезапно ожил: все засуетились, забегали, закипела работа.

– Ты небось думаешь, тебе всё сошло с рук? – раздался голос за её спиной.

Тиффани выждала мгновение, прежде чем оборачиваться, а когда наконец обернулась, на губах её играла улыбка.

– О, да это госпожа Лоск! Вы всё ещё здесь? Раз так, может, вы могли бы помыть где-нибудь полы?

Сиделка прямо-таки полыхала яростью.

– Я не мою полов, ты, наглая маленькая...

– Верно, госпожа Лоск, вы ничего не моете, не так ли? Я давно это заметила! Так вот, госпожа Зорецвет, которая была здесь до вас, вот она полы мыла на совесть! Она отдраивала пол так, что в него можно было смотреться, как в зеркало – хотя в вашем случае, госпожа Лоск, я понимаю, почему вас это не прельщает. А госпожа Джемпер, которая была здесь до госпожи Зорецвет, отчищала полы песком, белым песком! Она преследовала грязь, как терьер – лисицу!

Сиделка открыла было рот, чтобы возразить, но Тиффани не дала ей и слова вставить.

– Кухарка рассказывала, вы очень набожны, часами на коленях простаиваете, по мне, так и прекрасно, просто замечательно, но вам не приходило в голову взять при этом в руки ведро и тряпку? Людям не нужны молитвы, госпожа Лоск; людям нужно, чтобы вы делали своё дело, госпожа Лоск. И я по горло сыта вами, госпожа Лоск, и в особенности вашим очаровательным белоснежным жакетиком. Думаю, на Роланда ваш чудесный белый жакетик произвёл сильное впечатление, но на меня – нет, госпожа Лоск, потому что вы никогда не возьмётесь ни за какую работу из страха его запачкать.

Сиделка занесла было руку.

– Ох и закатила бы я тебе пощёчину!

– Нет, – твёрдо возразила Тиффани. – Не смогли бы.

Рука застыла в воздухе.

– Меня в жизни так не оскорбляли! – возмущённо взвизгнула сиделка.

– В самом деле? – откликнулась Тиффани. – Я удивлена.

Она развернулась на каблуках, оставив сиделку стоять где стояла, и направилась к молодому стражнику, только что вошедшему в зал.

– Я тебя в замке то и дело вижу. Но не знаю, кто ты. Как тебя зовут?

Начинающий стражник отсалютовал, как смог.

– Престон, госпожа.

– Престон, барона уже отнесли вниз, в усыпальницу?

– Да, госпожа, а я снёс вниз несколько фонарей, запас чистого полотна и ведро тёплой воды, госпожа. – Заметив выражение её лица, Престон усмехнулся. – Моя бабушка обмывала покойников, когда я был совсем мальцом, госпожа. Я могу помочь, если надо.

– А бабушка позволяла тебе помогать?

– Нет, госпожа, – признался юноша. – Она говорила, мужчинам этого нельзя, если они не обучены доктрине.

– Доктрине? – озадаченно подняла брови Тиффани. – Что за доктрина?

– Ну, знаете, госпожа, доктрина – в смысле пилюли, микстуры, отпиливание ног, всё такое.

– А, ты имеешь в виду – докторству, – осенило Тиффани. – Думаю, этого не нужно. Не то чтобы мы пытались его вылечить. Я сама справлюсь, но спасибо за предложение. Это и в самом деле женская работа.

«А почему это женская работа, я понятия не имею», – сказала себе Тиффани, входя в усыпальницу и засучивая рукава. Молодой стражник даже догадался принести вниз миску с землёй и миску с солью[20 - Земля и соль, по древнему поверью, отпугивают призраков. Тиффани в жизни не видела ни одного призрака, так что, наверное, они и впрямь срабатывали. Как бы то ни было, они отлично действовали на умы людей: ведь зная, что соль и земля тут, под рукой, чувствуешь себя куда спокойнее; а как только ты это поймёшь, ты очень многое поймёшь о магии как таковой.]. Молодчина твоя бабушка, подумала Тиффани. Хоть кто-то научил мальчишку чему-то полезному!

Девушка всплакнула немного, приводя старика в «подобающий вид», как говорила матушка Ветровоск. Тиффани всегда плакала. Так надо. Вот только, если ты ведьма, нельзя плакать на людях. Люди этого не ждут. Им будет не по себе.

Тиффани отступила на шаг. Что ж, надо признать, старикан выглядит заметно лучше, чем вчера. В качестве завершающего штриха она достала из кармана два пенни и осторожно положила их на веки умершего.

Таковы были древние обычаи, рассказанные ей нянюшкой Ягг. Но теперь родился новый обычай, известный ей одной. Тиффани одной рукой оперлась о край мраморной плиты и взяла ведро с водой в другую. И постояла неподвижно, пока вода в ведре не закипела, а плита не покрылась инеем. Тогда Тиффани вынесла ведро наружу и вылила его в канаву.

К тому времени, как она закончила, в замке уже царила суматоха; все занялись своими делами, так что покидала его Тиффани со спокойной душой. На выходе из замка она замешкалась и остановилась подумать. Люди редко останавливаются подумать. Они думают на ходу. А иногда это очень даже неплохая идея: просто перестать двигаться. Ведь как знать, вдруг ты движешься в неправильную сторону.

Роланд был единственным сыном барона и, насколько Тиффани знала, его единственным родственником, или, по крайней мере, единственным родственником, которого подпускали к замку ближе чем на пушечный выстрел. После отвратительной и дорогостоящей судебной грызни Роланду удалось-таки выдворить из замка кошмарных тёток, бароновых сестёр, которых, если честно, даже сам старый барон считал наигнуснейшей парой старых хорьков, которых только можно обнаружить в штанинах своей жизни. Но нужно было известить ещё кое-кого, и этот кое-кто никоим образом не приходился барону родней и, тем не менее, имел право узнать столь важную новость как можно скорее. Тиффани направилась к холму Фиглей повидать кельду.

Когда появилась Тиффани, Амбер сидела снаружи и шила что-то в солнечном свете.

– Здравсьте, госпожа, – весело поздоровалась она. – Сейчас схожу скажу госпоже кельде, что вы здесь. – С этими словами Амбер исчезла в дыре проворно, словно змейка, – так когда-то умела и Тиффани.

Зачем Амбер сюда вернулась? – недоумевала Тиффани. Она же сама отвела девушку на ферму Боленов, где ей ничего не угрожало. Зачем она поднялась в Меловые холмы, к кургану? И как ей вообще удалось вспомнить дорогу?

– Прелюбопытный она ребёнок, – раздался голос, и из-под листка высунулся Жаб[21 - Жаба звали просто Жаб; он примкнул к клану Фиглей несколько лет назад и нашёл, что жизнь в кургане куда предпочтительнее его прежнего существования в виде адвоката или, точнее, адвоката, который вздумал умничать в присутствии феи-крёстной. Кельда несколько раз предлагала расколдовать его, но тот всегда отказывался. Сами Фигли считали его мозговым центром всей честной компании, поскольку Жаб знал слова длиннее его самого.]. – Ты, никак, чем-то взволнована?

– Старый барон умер, – объяснила Тиффани.

– Ну, этого следовало ожидать. Да здравствует барон, – откликнулся Жаб.

– Он не может здравствовать, он умер.

– Нет, именно так полагается говорить, – проквакал Жаб. – Когда король умирает, нужно тотчас же возвестить миру, что уже есть следующий. Это важно. Интересно, каким окажется новый барон. Явор Заядло уверяет, будто он – размазня и хлюпик, недостойный лизать тебе башмаки. И что он подло тебя бросил.

Как бы там ни сложились обстоятельства в прошлом, Тиффани не желала слышать ничего подобного.

– Облизывать мне башмаки или что другое я никому не позволю, спасибочки. Как бы то ни было, – добавила ведьма, – он ведь не их барон, верно? Фигли гордятся тем, что у них нет господина.

– Совершенно справедливое утверждение, – торжественно подтвердил Жаб. – Но не следует забывать и о том, что Фигли также гордятся своей способностью надираться в стельку по любому поводу, а это, в свою очередь, влечёт за собою некоторую переменчивость взглядов. Барон же со всей определённости считает себя, *de facto*, владельцем всех окрестных земель. И это его притязание имеет юридическую силу. Хотя с сожалением констатирую, что о себе сказать того же не могу: сила, в частности юридическая, более не пребывает со мною. Но так вот, возвращаясь к девочке, с ней всё не так просто. Ты разве не заметила?

«Чего такого я не заметила? – лихорадочно думала Тиффани. – Что я должна была заметить? Амбер ещё совсем ребёнок[22 - То есть, с точки зрения Тиффани, на пару лет младше самой Тиффани.]; я с ней частенько сталкивалась, не настолько тихоня, чтобы встревожиться, не такая шумная, чтобы вызывать раздражение. Вот, в сущности, и всё». И тут Тиффани вспомнила: куры! Вот что странно.

– Она умеет говорить по-фиглевски! – возвестил Жаб. – И я не имею в виду всякие там «раскудрить!» – это так, жаргон. Я имею в виду серьёзный, древний язык, на котором говорит кельда; язык, на котором они говорили до того, как пришли сюда – уж откуда бы они ни пришли. Прошу прощения, я бы, конечно, удачнее построил фразу, будь у меня время на подготовку. – Жаб помолчал. – Лично я ни слова на фигльском не понимаю, но девчонка его словно на лету схватывает. И ещё одно. Готов поклясться, она пыталась поговорить со мной на жабьем. Сам-то я в нем не силен, но какое-никакое понимание с, э-э-э, изменением формы, так сказать, обрёл.

– Ты хочешь сказать, она понимает незнакомые слова? – уточнила Тиффани.

– Не уверен, – отозвался Жаб. – По-моему, она понимает смысл.

– В самом деле? – удивилась Тиффани. – Мне она всегда казалась несколько простоватой.

– Простоватой? – забавляясь, переспросил Жаб. – Что ж, как законник, скажу тебе одно: то, что кажется совсем простым, может оказаться чрезвычайно запутанным, особенно когда я работаю на условиях почасовой оплаты. Солнце – простое. Меч – простой. Гроза – простая. Но за простыми вещами тянется

громадный хвост сложностей.

Амбер высунула голову из дыры.

– Госпожа кельда зовёт тебя в меловой карьер, – взволнованно сообщила она.

Тиффани осторожно пробралась сквозь тщательно обустроенное прикрытие. Из глубины мелового карьера доносились одобрителные возгласы и аплодисменты.

Карьер ей нравился. Здесь просто невозможно было чувствовать себя по-настоящему несчастной: влажные белые стены баюкали её словно колыбель, а сквозь заросли шиповника пробивался свет ясного дня. В детстве она порою видала, как в меловой карьер влывает древняя рыба и снова выплывает наружу: рыба из тех времён, когда Меловые холмы были землёй под волнами. Вода ушла давным-давно, но души призрачных рыб этого не замечали. Они были закованы в броню словно рыцари и стары, как сам мел. Но с тех пор Тиффани их больше не видала. Вероятно, с годами зрение меняется.

Резко запахло чесноком. На дне карьера кишмя кишели улитки. Фигли осторожно расхаживали между ними и рисовали на раковинах номера. Амбер, обняв руками колени, сидела рядом с кельдой. Если смотреть сверху, больше всего это напоминало овчарочьи смотры, только лая было поменьше, а липкости – побольше.

Заметив Тиффани, кельда поднесла крохотный палец к губам и коротко кивнула на Амбер, которая замороженно наблюдала за происходящим. А потом указала на место по другую сторону от себя и объяснила:

– Мы, стал-быть, глядим, как ребята таврят скотину. – В голосе Джинни слышалась странноватая нотка. Таким голосом взрослый спрашивает у ребёнка: «До чего же весело, правда?» На случай, если ребёнок сам ещё не пришёл к такому выводу. Но Амбер, похоже, и впрямь радовалась от души. Тиффани вдруг пришло в голову, что Амбер счастлива, когда вокруг – Фигли.

А ещё Тиффани показалось, что кельда не в настроении говорить о серьёзных вещах, так что она просто спросила:

– А зачем их таврить? Кому их красть-то?

– Да другим Фиглям, ясно дело. Мой Явор смекает, они уж в очередину выстраиваются угонять наших улиток, стоит их только без призора кинуть.

– Но тогда зачем оставлять их без присмотра? – недоумевала Тиффани.

– Так мои ж ребя, ясно дело, пойдут тырить их скотину. Это древний обычай Фиглей, чтоб всем всласть подражаться, и полямзить, и потырить, и, конечно же, без добра-любима пошла никак. – Кельда подмигнула Тиффани. – Ну, ребя-то радёхоньки, не горюнятся и у нас под ногами не мельтешатся, ясно дело.

Она снова подмигнула Тиффани, потрепала Амбер по коленке и сказала ей что-то на языке, похожем на очень древний вариант фигльского. Амбер ответила на нём же. Кельда многозначительно кивнула Тиффани и указала на противоположный конец карьера.

– Что ты ей только что сказала? – любопытствовала Тиффани, оглядываясь на девушку, которая с тем же улыбчивым интересом наблюдала за Фиглями.

– Я сказала, мы с тобой хотим потолковать промеж себя и беседа эта только для взрослых, – перевела кельда, – а она сказала, мальчишки ужасно смешные, и я понятия не имею как, но она переняла Праматерь Языков. Тиффани, я говорю на нём токмо с дочерью и с гоннаглом, ясно дело, и я как раз беседовала с ним в кургане давеча ночью, и тут она возьми и встрянь в разговор! Она переняла язык со слуха! Так не бывает! Она наделена редким даром, точнякс. Она, похоже, понимает смысл слов в своей голове, а это магия, девочка моя, всамделишная, и не иначе!

– Как такое могло случиться?

– Кто знает? – покачала головой кельда. – Это дар. Послушайся моего совета, отдай девчуру в обучение.

– А не поздно ли ей начинать? – усомнилась Тиффани.

– Приставь её к ведьмовскому ремеслу иль найди какой ещё выход для её дара. Поверь, девочка моя, я вовсе не пытаюсь внушить тебе, будто избить девчуру мало не до смерти – дело хорошее, но кто знает, как мы выбираем наши пути? Вот она угодила сюда, ко мне. У неё дар понимания. А нашла б она его, сложись всё иначе? Ты отлично знаешь, что смысл жизни – в том, чтоб отыскать свой дар. Найти свой дар – это счастье. Не найти – беда. Ты говоришь, она простовата: подыщи ей наставника, который выявит в ней сложное. Эта девчура выучила непстой язык со слуха. Миру позарез нужны те, кто такое умеет.

Прозвучало это убедительно. Всё, что говорила кельда, звучало убедительно.

Помолчав, кельда промолвила:

– Мне очень жаль, что барон умер.

– Прости, – покаялась Тиффани. – Я как раз собиралась тебе рассказать.

Джинни улыбнулась.

– Думаешь, кельде нужно сообщать такие вещи, девочка моя? Он был хорошим человеком, и ты обошлась с ним как должно.

– А теперь мне пора отправляться на поиски нового барона, – промолвила Тиффани. – И мне потребуется помощь твоих ребят. В городе людей тысячи и тысячи, а Фигли здорово наловчились находить всякое-разное[23 - О том, что лучше всего ребята находили то, что принадлежало кому-то другому, Тиффани предпочла умолчать. Однако ж что правда, то правда, Фигли шли по следу как гончие псы, ну и пили как лошади.]. – Тиффани оглядела небо. Ей до сих пор не доводилось проделывать путь до большого города верхом на метле, и лететь туда в темноте ей вовсе не улыбалось. – Я отправлюсь в путь с первым светом. Но прежде всего, Джинни, мне, наверное, надо отвести Амбер обратно домой. Ты ведь соскучилась по дому, Амбер, правда? – без особой надежды предположила она.

Три четверти часа спустя Тиффани летела на метле обратно в деревню, а в ушах её всё ещё звенели пронзительные вопли Амбер. Возвращаться домой она

наотрез отказалась. Более того, своё нежелание покинуть холм изъяснила самым недвусмысленным образом: растопырив руки и ноги, упёрлась в стенки норы и принималась визжать во весь голос всякий раз, как Тиффани мягко тянула её за собой. Когда же та наконец отпустила девушку, Амбер вернулась и снова уселась рядом с кельдой. Что ж, ничего не попишешь. Ты строишь для людей одни планы, а сами люди тем временем строят совсем другие.

С какой стороны ни глянь, но у Амбер есть родители: совершенно ужасные родители, что правда, то правда, и можно ещё добавить, что это вы им польстили. По крайней мере, надо им сообщить, что девушка в безопасности... В конце концов, что дурного может случиться с Амбер под присмотром кельды?

Завидев на крыльце Тиффани, госпожа Пенни с грохотом захлопнула дверь и почти тут же распахнула её снова, заливаясь слезами. В доме дурно пахло – и не только застоявшимся пивным духом и подгорелой стряпнёй, но ещё и беспомощностью и замешательством. Кот, грязнее и паршивее Тиффани в жизни не видела, явно вносил в атмосферу свой посильный вклад.

Госпожа Пенни, перепуганная до потери разума, уж сколько бы его там ни было, рухнула на колени, невнятно о чём-то умоляя. Тиффани заварила ей чашку чая, задача не для брезгливых, учитывая, что вся посуда, что нашлась в хижине, громоздилась в каменной раковине: грязная мутная вода плескалась у самого края и время от времени ещё и пузырилась. Тиффани в течение нескольких минут изо всех сил отдраивала чашку, прежде чем рискнула ею воспользоваться, а в чайнике между тем что-то побрякивало.

Госпожа Пенни, устроившись на единственном стуле с четырьмя ножками, бормотала что-то насчёт того, что муж её на самом-то деле человек неплохой, всего-то и надо, что ужин подать на стол вовремя да чтоб Амбер вела себя паинькой. Тиффани давно привыкла к такого рода безысходным разговорам, пока «ходила по домам» в горах. Порождал их страх – женщины боялись, что стоит им остаться одним, и им ещё хуже придётся. У матушки Ветровоск тут был свой метод, а именно: внушить всем и каждому страх перед матушкой Ветровоск, но матушка Ветровоск вот уже много лет была, ну, матушкой Ветровоск.

По ходу осторожных, мягких расспросов выяснилось, что господин Пенни спит наверху, и Тиффани просто сообщила госпоже Пенни, что за Амбер присматривает одна очень добрая дама, пока та выздоравливает. Госпожа Пенни снова расплакалась. Это убогое, нищенское жилище действовало Тиффани на нервы, и она пыталась гнать жестокие мысли; но так ли трудно вылить на каменный пол ведро холодной воды и шваброй выгнать её за дверь? Так ли трудно сварить мыла? Из животного жира и древесной золы мыло получается очень даже сносное. И, как говаривала когда-то мама: «Любому бедняку под силу вымыть раму», хотя отец, просто чтобы подразнить жену, иногда переделывал фразу на: «Любому бедняку под силу вымыть даму». А в этой семье с чего прикажете начинать? И что там такое погромыхивает в чайнике и явно рвётся наружу?

Деревенские женщины в большинстве своём народ суровый. А как иначе, если приходится поднимать семью на батрачьи заработки? Существовало местное присловье, своего рода рецепт, как справляться с неуживчивым мужем. А именно: «Распекательный пирог, гуляш по двору да битки по рёбрам». То есть неуживчивого мужа запекали вместо ужина, спать выставляли за дверь, а если он поднимал на жену руку, то получал сдачи тяжёлой деревянной скалкой – такая в каждом доме имелаась. И мужья обычно осознавали свои ошибки ещё до того, как заиграет лютая музыка.

– Может быть, вам следует переехать куда-нибудь ненадолго, отдохнуть от господина Пенни? – предложила Тиффани.

Женщина, бледная как слизень и тощая как метла, в ужасе отшатнулась.

– Ох, нет! – вскричала она. – Он же без меня пропадёт!

И тут... всё пошло не так, ну, то есть ещё хуже, чем было. А ведь начиналось так безобидно... Бедняжка выглядела такой разнесчастной, что Тиффани не удержалась.

– Ну что ж, тогда я хотя бы у вас в кухне приберусь, – весело заявила она. И всё бы ничего, если бы она просто-напросто схватила метлу и взялась за работу, но нет, хватило же у неё ума посмотреть на закопчённый, затянутый паутиной потолок и обронить: – Ладно, я знаю, что вы тут, вы же за мной всегда ходите, так что принесите-ка пользу и отдрайте эту кухню до блеска!

В первые несколько секунд не произошло ровным счётом ничего. Тиффани наострила уши и услышала приглушённое бормотание под самым потолком:

– Вы слышали? Она бум-бум, что мы тут! И как так она завсегда просекает?

– Эт потому, что мы завсегда за нею хвостимся, ты мал-мал дурила! – слышался другой фиглевский голос, лишь самую малость отличный от первого.

– Ах-ха, это-то я кумексаю, но я к чему гну, разве ж мы не мы не давали честна-пречестна словеса не хвоститься за ней больше?

– Ах-ха, самое клятвенное словесо!

– Точнякс, так что я мал-мала грущеваю, что мал-мала громазда карга сомневается в клятвенных словесах. Больно обидственно оно для чуйств.

– Но мы ж клятвенное словесо уже порушили; таков обычай Фиглей.

– Эй, а ну кыкс живей, чучундры, она уж ноготопсы топсит! – слышался третий голос.

На замызанную кухоньку обрушился смерч[24 - Тиффани завоевала восхищение прочих ведьм тем, что умудрилась приспособить Фиглей к работе по дому. С прискорбием приходилось признать, что Фигли охотно берутся за любую работу, лишь бы пошумнее, погрязнее и поэффектнее. И чтобы по возможности ор стоял.]. Вокруг башмаков Тиффани, что и впрямь нетерпеливо притоптывали, взбурлила пенная вода. Надо признать, по части устроить кавардак Фигли не знают равных, но, как ни странно, умеют они и по-быстрому навести порядок, причём даже без помощи синих птиц и разнообразных лесных созданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Потому что проделывали это с завязанными глазами. (Здесь и далее, если не сказано иного, примечания автора.)

2

1 фут равен примерно 0,3 метра. (Примеч. ред.)

3

1 миля равна 1609 м. (Примеч. ред.)

4

Будучи ведьмой, она их всех знала как облупленных.

5

Эта фигура со всей определённой изображала мужчину без штанов и уж всяко не женщину.

Этот гигантский геоглиф в Меловых холмах Плоского мира, точно так же, как и Белая Лошадь во втором романе цикла («Шляпа, полная неба»), списан Терри Пратчеттом с действительно существующей достопримечательности – с Великана из Серн-Эббаса (Cerne Abbas Giant), меловой фигуры на западном склоне крутого Великаньего холма (он же – холм Трендл) поблизости от деревушки Серн-Эббас в английском графстве Дорсет. Иногда фигуру называют просто Великаном, или Сернским Великаном, или – Невежей (и есть за что!). Изображён Великан нагишом, в высоту достигает 55 м, в ширину – 51 м, в руке сжимает шишковатую дубинку (37 м длиной), и, скажем так, отсутствие на великане штанов и наличие того, что красуется вместо штанов, – едва ли не самая примечательная деталь этого изображения. (Считается, что открытки с изображением Великана – это единственные «неприличные» картинки, которые разрешено посылать по английской почте.) Контур фигуры вырезан в дёрне и почве, а канавки глубиной 0,6 м заполнены меловой крошкой. Изображение слегка менялось с течением лет: так, археологи установили, что некогда через левую руку Великана был переброшен плащ (или звериная шкура). А в 1993 году Национальный трест подновил Великану нос, почти стёршийся за многие годы.

Происхождение геоглифа и его точный возраст неизвестны. Как и в случае некоторых других английских меловых фигур, считается, что Великан был вырезан в глубокой древности, однако самые ранние упоминания о нём относятся лишь к концу XVII века, и доказать, существовал ли Великан во времена кельтов, римлян или хотя бы в раннем Средневековье, затруднительно. Если Уффингтонская Белая Лошадь была создана в 800–700 гг. до н. э., чему есть неоспоримые подтверждения, то Великан, возможно, появился только в XVII в. как политическая сатира на Оливера Кромвеля (ведь Кромвеля в насмешку называли Английским Гераклом, а Геракла часто изображали с плащом из шкуры Немейского льва). Впрочем, некоторые исследователи считают, что Великан восходит к эпохе римского владычества и является изображением римского героя Геракла как такового. По ещё одной версии, Великан представляет собою некое кельтское божество и создан между 10 и 51 г. н. э.

А вот холм Трендл, несомненно, существовал задолго до появления меловой фигуры и сам по себе является исторической достопримечательностью. На нём сохранились остатки романо-бриттских земляных укреплений под названием Трендл, или Сковородка: бриттское поселение и, по-видимому, погребальный

курган железного века, где, возможно, похоронен некий герой, впоследствии изображённый на склоне в виде нагого Великана.

В начале XX в. и Великан, и склон холма, на котором он изображён (4 000 кв. м), были подарены Национальному тресту тогдашними землевладельцами; сейчас это – исторический памятник, охраняемый государством. Раз в 25 лет Национальный трест проводит «прополку» и «расчистку» Великана, а при необходимости в канавки подсыпают мела. Во время «расчистки» геоглифов (не только Великана, но и Белой Лошади) действительно устраиваются «расчисточные ярмарки», и развлекаются на них примерно так же, как и в мире Пратчетта (включая сырные гонки и вылавливание ртом яблок).

Каково бы ни было его происхождение, Великан из Серн-Эббаса прочно вошёл в культуру и в фольклор Дорсета. Точно так же, как и его «двойник» в мире Пратчетта, он ассоциируется с культом плодородия и с плодovitостью; с ним связан целый ряд обрядов, церемоний и поверий. В прошлом местные жители устанавливали майский шест посреди земляных укреплений, и бездетные пары танцевали вокруг него: считалось, это поможет им обзавестись потомством. Согласно местному поверью, если женщина, страдающая бесплодием, заснёт на меловой фигуре, то излечится от своего недуга.

Великан из Серн-Эббаса не единственный в своём роде. Есть ещё Верзила из Уилмингтона, или Уилмингтонский Великан: фигура на склоне холма Уиндовер, 72 м в высоту, с двумя палками в руках. Неолитическое происхождение этого Великана не подтвердилось – геоглиф был создан в XVI–XVII вв., но и с ним тоже связаны языческие обряды: так, на рассвете первого мая у основания фигуры танцуют моррис. Были и другие сходные изображения – например, Великаны из Плимут-Хоу, изображения Гога и Магога. Их тоже время от времени расчищали, но до сегодняшнего дня они не сохранились. Наряду с Уффингтонской Лошадью, Великан – самая известная из меловых фигур Англии и одна из популярнейших английских достопримечательностей.

Разумеется, думала про себя Тиффани, если уж прыгать вместе через костёр, то надо заранее позаботиться о жаростойкой одежде и чтобы рядом стоял кто-то с

ведром воды, просто на всякий случай. Ведьмы, конечно, дамы разносторонние, но прежде всего они практичны.

7

Не исключено, что романтическим устремлениям Петулии очень помогло то, что свиньи милого юноши то и дело самым загадочным образом заболевали и их срочно требовалось лечить от диареи, запала, отвердения шеи, блуждающего зуба, косоглазия, свинской рожи, жжения, вертежа, вертлюга и смещения коленной чашечки. Это было просто ужасно, ведь больше половины этих болезней у свиней обычно не встречаются, а одна вообще диагностирована только у пресноводных рыб. Но Петулия трудилась не покладая рук и производя самое благоприятное впечатление на соседей. Её метла летала туда-сюда в любое время дня и ночи. В конце концов, что в ведьме главное? – самоотверженность!

8

Умение видеть с Первого Взгляда – это когда ты видишь то, что есть на самом деле; а умение думать Задним Умом означает задумываться о том, что ты думаешь. А в случае Тиффани иногда ещё давал о себе знать Дальний Умысел и Ещё Более Дальний Умысел: вот с ними управляться было куда как непросто, того и гляди в дверь врежешься.

9

Позабудки – миленькие красно-белые цветочки; юные барышни обычно дарят их своим ухажёрам в знак того, что больше не хотят их видеть, по крайней мере, до тех пор, пока те не научатся основам личной гигиены и не найдут работу.

10

Если вы не знаете, кто такие Нак-мак-Фигли, 1) будьте благодарны за то, что жизнь ваша скучна и бедна событиями; и 2) будьте готовы уносить ноги, если существо не выше вашей лодыжки заорёт: «Раскудрить!» Они, строго говоря, одна из разновидностей фейри, но им об этом лучше не напоминать, если вы предпочитаете сохранить все зубы.

11

1 дюйм равен 2,54 сантиметра. (Прим. ред.)

12

1 фунт равен примерно 0,45 кг. (Прим... ред.)

13

Клеймор (от гэльского claidheamh-mòr – «большой меч») – особый вид двуручного меча шотландских горцев, с длинной рукоятью (около 30–35 см), широким клинком (около 110 см) и весом около 2,5 кг. Выглядит клеймор очень эффектно: клинки дужки крестовины у него – прямые, направлены от рукояти к концу клинка, сужаются к концам и на концах украшены стилизованным изображением четырёхлистного клевера. Клейморы использовались начиная с позднего Средневековья (с конца XIV в.) в клановых войнах и пограничных стычках с Англией, были особенно популярны в XVI в. и оставались в употреблении вплоть до конца XVII в. После Акта об унии 1707 года, когда шотландские и английские полки были объединены, клейморы воспринимались как знаки отличия шотландских офицеров и как примета исторического

Хайленда. Само английское слово «клеймор» (claymore) впервые вошло в употребление в конце XVIII в. и использовалось в романтической поэзии (особенно в Викторианскую эпоху) для воссоздания шотландского колорита: например, у Роберта Бёрнса, и у Альфреда Теннисона, и, конечно же, у Вильяма Топаза Макгонаголла. Как национальное оружие шотландских горцев, клеймор, наряду с килтом, стал своего рода символом шотландского героического характера. Так, клейморами сражаются герои фильма «Горец», что способствовало популярности этих мечей в наши дни. Неудивительно, что Накмак-Фигли, воплотившие в себе все стереотипные черты шотландского характера и шотландской внешности, доведённые до гротеска, вооружены не чем иным, как клейморами.

14

Шиллинг практически всегда отличался высоким содержанием серебра (при Елизавете I шиллинг весил 6,22 г и содержал 5,75 г серебра); в XIX в. шиллинг весил 5,655 г и содержал 5,23 г серебра) и потому ассоциируется со стабильностью экономики и процветанием государства (в периоды экономического спада шиллинг не чеканили). В 1966 году Великобритания перешла на десятичную монетную систему, и регулярная чеканка шиллингов прекратилась. Пратчетт ностальгирует по прежней, двенадцатеричной денежной системе, которую успел застать, в послесловии к роману «Финт»: «...Были монеты бронзовые, самых разных размеров и самого низкого номинала; были монеты серебряные, как вы, вероятно, догадались, занимающие в финансовом плане промежуточное положение, и, наконец, ну, золотые, – а во времена Финта они действительно чеканились из золота, не то что нынешние, бу-бу-бу, в наши дни всё не так. Но, по правде говоря, прежние деньги обладали какой-то осязаемой подлинностью, не то что современные пенсы, помоги нам Господь; нет в них былой живости». По-видимому, для Пратчетта (а также и для барона) «настоящий шиллинг» символизирует нечто подлинное, настоящее, надёжное – в отличие от современных денежных знаков.

15

Неважно, какого заяц пола на самом деле; для урождённого сельского жителя все они – зайчихи.

16

Акр = 0.4 гектара. (Прим. перев.)

17

Чатни – традиционные индийские соусы, в большинстве своём остро-сладкие; в них входят разнообразные ингредиенты и специи, зачастую непривычные для европейского вкуса (молотый арахис, кокос, люффа, имбирь, перец чили и т. д.) и экзотические сочетания ингредиентов (например, мята и лук). Чатни оттеняют вкус основного блюда и эффектно смотрятся на столе благодаря ярким цветам. Соусы-чатни обрели большую популярность в Великобритании благодаря тому, что Индия долгое время оставалась её колонией; в английской и западной кухне чатни служат приправой к твёрдым сырам и к холодным закускам.

18

«Жаворонков трели». Песня, которую так любили старый барон и отец барона и которая, по-видимому, пользовалась популярностью в Меловых холмах мира Пратчетта, на самом деле существует и в нашем мире и по сей день пользуется не меньшей популярностью в юго-западных графствах Англии. Она действительно называется «Жаворонков трели» (дословно: «Жаворонки пели мелодично», «Larks they sang melodious»); и, как и в мире Пратчетта, в иных областях может быть известна под другим названием («...У нас в горах она известна под названием “Утром ясным и прекрасным”», – уточняет нянюшка Ягг), хотя распознаётся по первым же строчкам. Впервые эта «уличная баллада» неизвестного автора была опубликована ранее 1819 года в виде печатного листка (так называемый broadside) Джоном Питтсом (14, Грейт-Сент-Эндрюз-

Стрит), известнейшим британским издателем балладных печатных листков XIX в. В первом издании баллада называлась «Моряк и его милая» и состояла из четырёх куплетов. Т. Пратчетт, по всей видимости, воспользовался одним из более поздних вариантов (где фигурирует не моряк, а солдат). Трогательный сюжет о расставании моряка/солдата со своей верной возлюбленной в уличных балладах пользовался огромной популярностью. На сегодняшний день эта баллада существует во множестве вариантов (в частности, разнится количество куплетов), но благодаря мелодичному, легко запоминающемуся припеву, который подхватывают все присутствующие, остаётся одной из любимых народных песен. «Жаворонков трели» часто звучат на фестивалях и концертах фолк-музыки и в пабах. Начинается песня так:

Утром ясным и прекрасным мир в сияние одет,
Поднялась в полях пшеница, над холмом вставал рассвет,
Дрозд насвистывал на ветке, были рощи зелены,
И звонко жаворонков трели разносились с вышины.

Шли вдвоём солдат с любимой по полям и по лугам.
И сказал солдат любимой: «Суждена разлука нам:
За морем грохочут пушки, плыть за море кораблю.
Я расстаться должен с Нэнси – с той, которую люблю...

Встарь суконщики использовали мочу в качестве протравы при крашении шерстяной одежды, чтобы красители закрепились и не полиняли; в результате ткань пахла ещё не один год. Сама мисс Тик не объяснила бы технологию лучше, сохраняя при этом несокрушимое спокойствие, хотя она-то, вероятно, воспользовалась бы термином «телесные выделения».

Земля и соль, по древнему поверью, отпугивают призраков. Тиффани в жизни не видела ни одного призрака, так что, наверное, они и впрямь срабатывали. Как бы то ни было, они отлично действовали на умы людей: ведь зная, что соль и земля тут, под рукой, чувствуешь себя куда спокойнее; а как только ты это поймёшь, ты очень многое поймёшь о магии как таковой.

Жаба звали просто Жаб; он примкнул к клану Фиглей несколько лет назад и нашёл, что жизнь в кургане куда предпочтительнее его прежнего существования в виде адвоката или, точнее, адвоката, который вздумал умничать в присутствии феи-крёстной. Кельда несколько раз предлагала расколдовать его, но тот всегда отказывался. Сами Фигли считали его мозговым центром всей честной компании, поскольку Жаб знал слова длиннее его самого.

То есть, с точки зрения Тиффани, на пару лет младше самой Тиффани.

О том, что лучше всего ребята находили то, что принадлежало кому-то другому, Тиффани предпочла умолчать. Однако ж что правда, то правда, Фигли шли по следу как гончие псы, ну и пили как лошади.

Тиффани завоевала восхищение прочих ведьм тем, что умудрилась приспособить Фиглей к работе по дому. С прискорбием приходилось признать, что Фигли охотно берутся за любую работу, лишь бы пошумнее, погрязнее и поэффектнее. И чтобы по возможности ор стоял.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/terri-pratchett/plat-e-cveta-polunochi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)